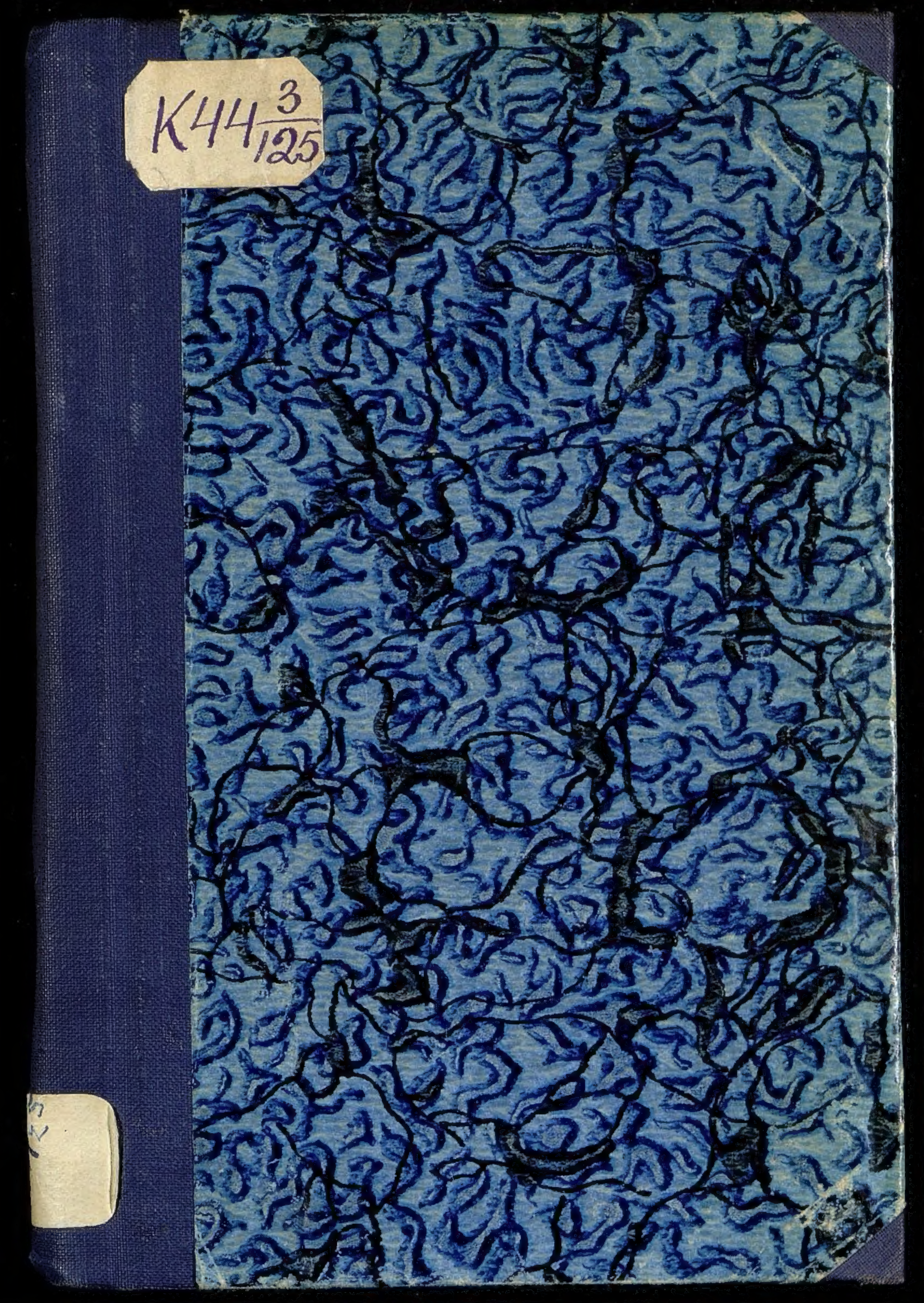
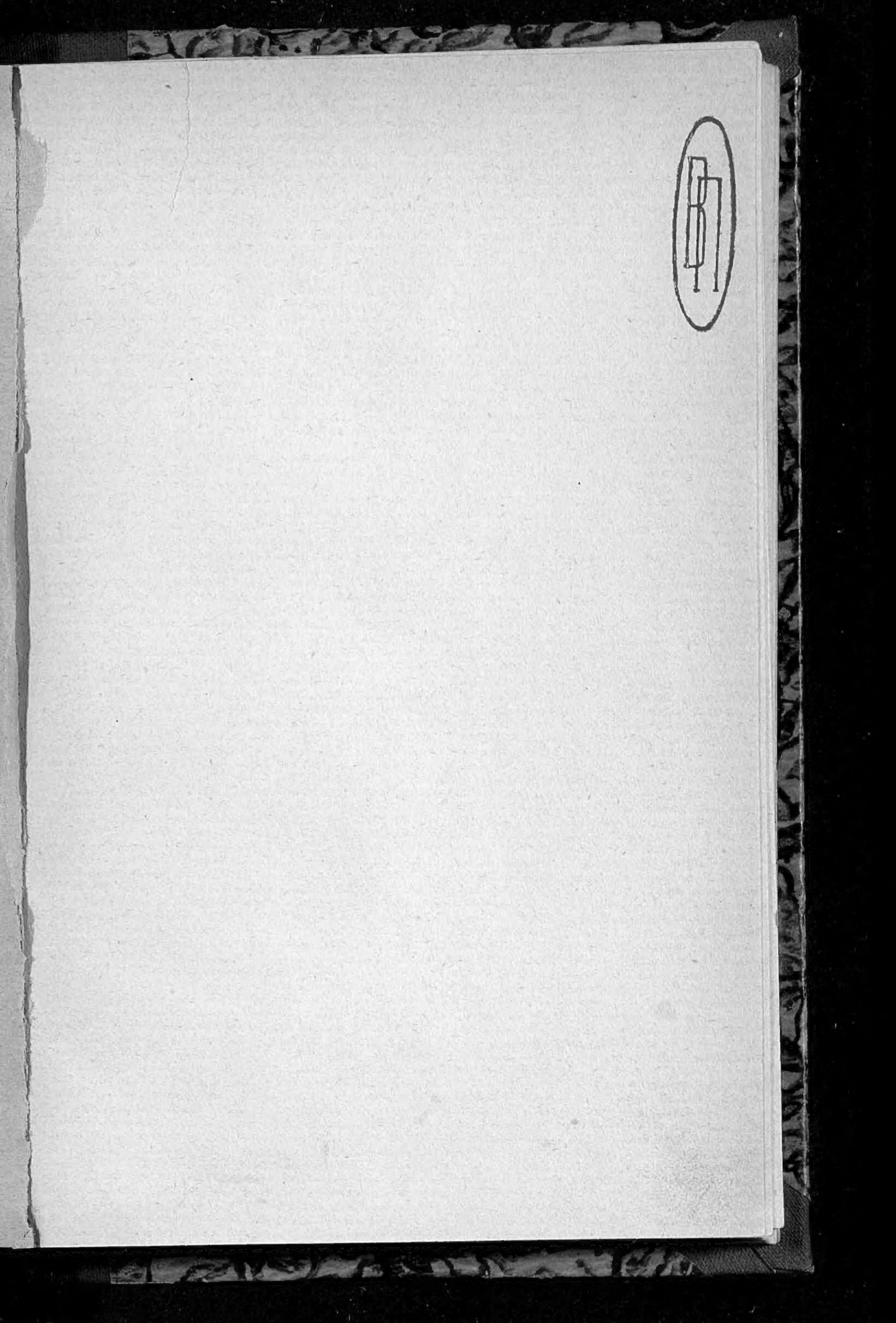

K44 3/125

ПАУТИНА
СИСТЕМА ГЕРМАНСКАГО ШПІОНАЖА

ЧЕРНАЯ КОРОВА. УСЛОВНЫЙ ЗНАКЪ, ПРИМѢНЯЕМЫЙ ГЕРМАНСКИМИ ШПІОНАМИ.

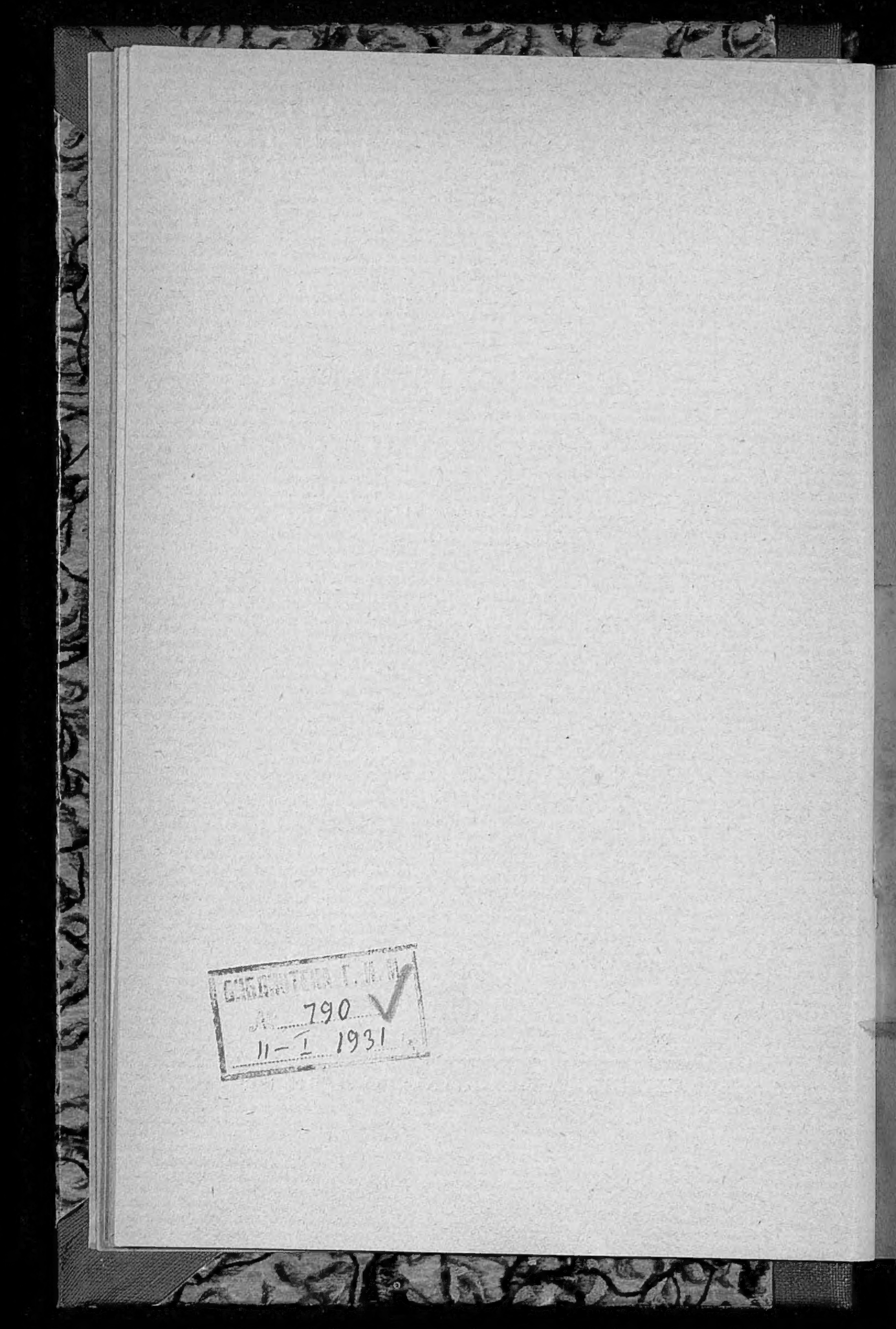

ПАУТИНА

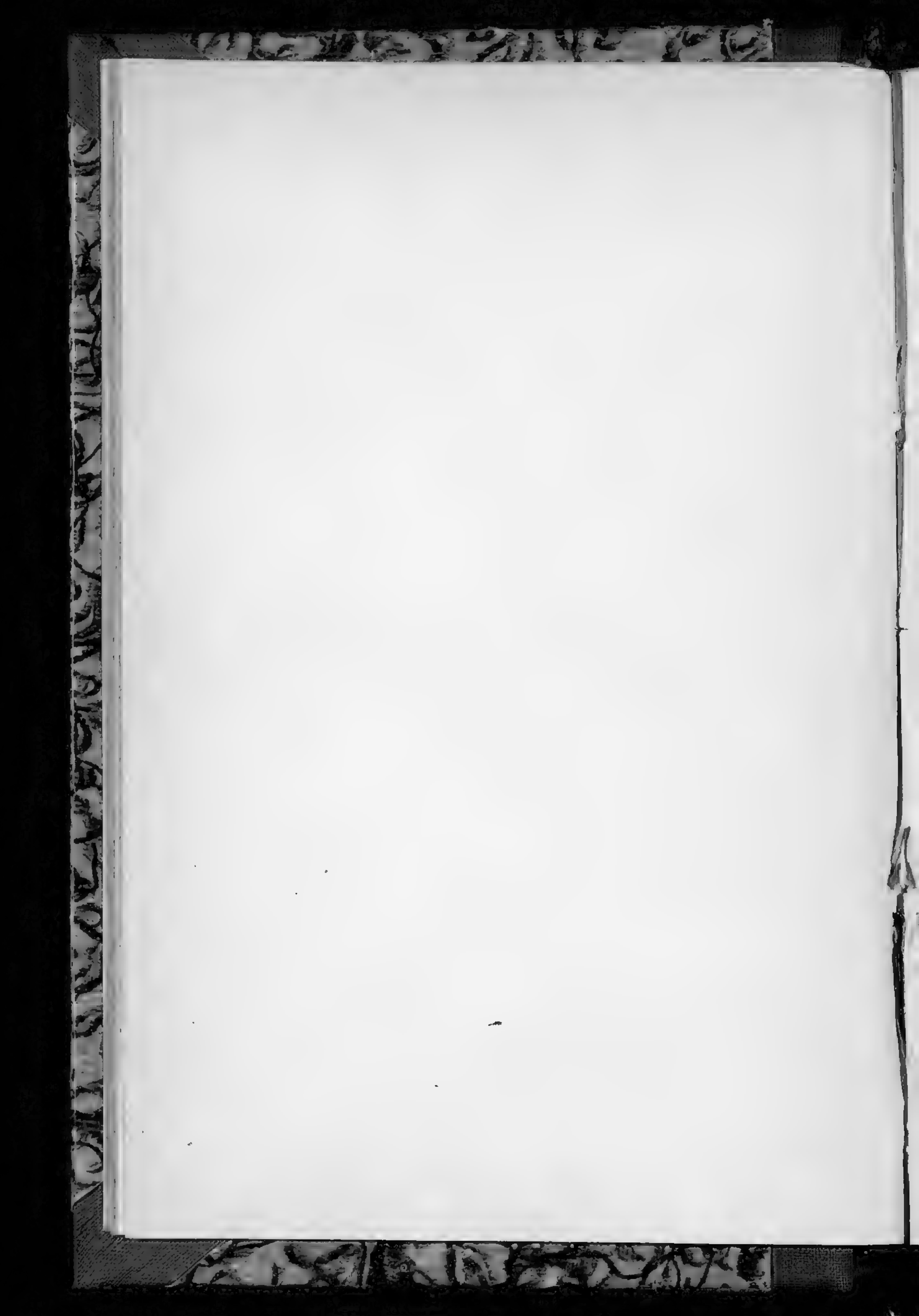
СИСТЕМА ГЕРМАНСКАГО ШПІОНАЖА

Переводъ М. КУГУЛЬСКАГО
и Б. ЛЕПКОВСКАГО.

ИЗДАЛЪ ВАЛЕНТИНЪ ПОРТУГАЛОВЪ въ МОСКВѢ въ 1915 г.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ СИСТЕМЫ ШПІОНАЖА

Въ веденіи всѣхъ своихъ военныхъ авантюръ Германцы и ихъ кайзеръ стараются елико возможно подражать Наполеону.

Наполеонъ, создавая новую военную организацію, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и создателемъ новой системы шпіонажа. Перенявъ эту систему у великаго корсиканца, германскіе строители міроваго владычества далеко опередили взятый ими образецъ.

Германская организація шпіонажа представляетъ нѣсколько этаповъ, среди которыхъ низшей ступенью является коммерческій шпіонажъ. Этой шпіонской отрасли служатъ молодые германцы, работающіе за рубежомъ своего фатерланда въ торговыхъ фирмахъ Европы и Америки. Эти господа преимущественно наводняютъ Англію для практическаго изученія языка, который они, впрочемъ, ранѣе теоретически проходятъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Германская молодежь представлялась всегда очень заманчивой для торговыхъ фирмъ, такъ какъ она сочетаетъ огромную трудоспособность и усердную работу съ весьма скромнымъ

вознагражденіемъ. Но владѣльцы иностранныхъ фирмъ, въ которыхъ работали германцы, и не подозрѣвали, что эти выходцы изъ Германіи сами вознаграждаютъ себя и за упорный трудъ, и за малое вознагражденіе, стараясь найти доступъ къ книгамъ, перечню кліентовъ, чтобы такимъ образомъ выяснить самыя подробныя свѣдѣнія о рынкахъ, требующихъ британскіе товары. Эти свѣдѣнія клерки, вышедшіе изъ Германіи, добросовѣстно отправляли въ свой фатерландъ конкуррирующимъ нѣмецкимъ фирмамъ, которыя пользовались этими свѣдѣніями для предложенія болѣе льготныхъ условій.

Конечно, германскіе выходцы не считались съ тѣмъ, что ихъ образъ дѣйствій является нарушеніемъ довѣрія и гостепріимства, убѣжденные, что въ интересахъ фатерланда самыя гнусныя средства оправдываются цѣлью.

Слѣдующія ступени шпіонской организаціи — военный, морской и дипломатическій шпіонажи. Нѣмцы пошли въ этомъ отношеніи совершенно иными путями, чѣмъ всѣ другія государства. Въ цѣломъ мірѣ дѣломъ шпіонажа занимаются бывшіе сухопутные или морскіе офицеры. Германія, наоборотъ, подготовила къ этой работѣ штатъ спеціалистовъ, большею частью изъ людей, скомпрометировавшихъ себя на родинѣ и имѣющихъ часто уголовное прошлое.

Въ частности, дипломатическій шпіонажъ Гер-

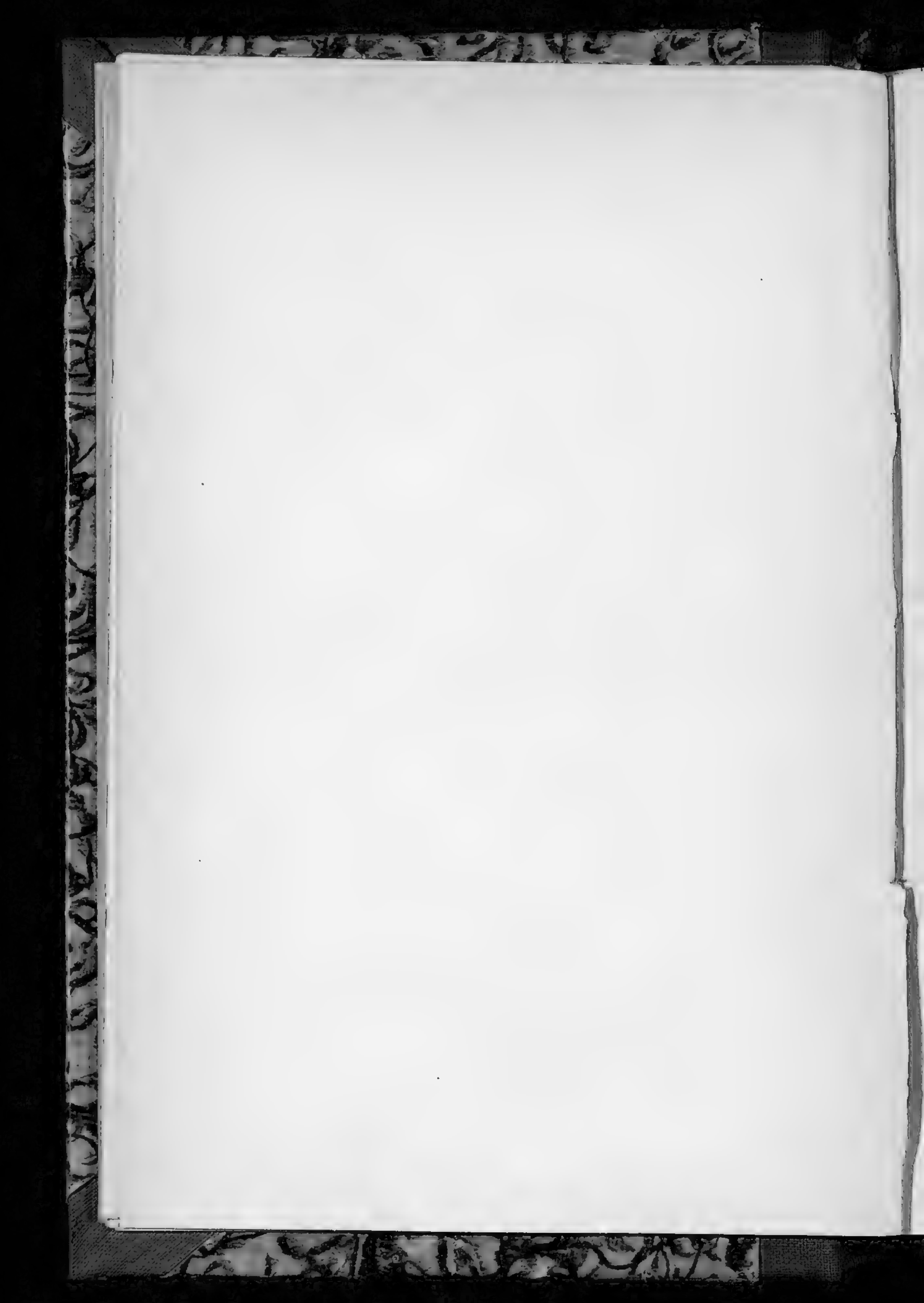
маніи работаетъ, главнымъ образомъ, во Франціи и Англіи для воздѣйствія на рабочіе классы, для созданія среди нихъ недовольства и забастовокъ, чтобы имѣть въ этихъ классахъ населенія подготовленное противодѣйствіе на случай войны и нападенія со стороны Германіи.

Тутъ дипломатическій шпіонажъ объединяется съ коммерческимъ, и часто они дѣйствуютъ рука-объ-руку. Яркій примѣръ этого даетъ исторія паденія въ нынѣшнюю войну французской крѣпости Мобежъ, удивившаго міръ, въ виду исключительнаго вооруженія этой крѣпости, которую можно было взять лишь при содѣйствіи крупной артиллеріи, требующей для правильнаго отправленія заблаговременно подготовленныхъ спеціальныхъ площадокъ для установки орудій. Эти платформы и площадки должны быть выстроены съ огромнымъ техническимъ расчетомъ и соотвѣтствовать точнымъ измѣреніямъ.

И это было подготовлено совмѣстными усиліями коммерческаго и дипломатическаго шпіонажа агентомъ фирмы Круппа. Онъ пріобрѣлъ еще въ 1911 г. въ окрестныхъ лѣсахъ 600 акровъ земли будто бы для постройки вагоностроительнаго завода, а пока-что построилъ площадки, съ которыхъ крупповскія орудія теперь и разгромили Мобежъ. Вотъ какъ давно Германія, увѣряющая, что на нее напали, готовилась къ нападенію на другихъ...

Вообще германцы въ организаціи шпіонажа не гнушаются способами, которые всякое культурное государство сочло бы подлостью. Но въ этомъ случаѣ надо расчленять германскій народъ отъ германскаго правительства. Несмотря на то, что германскій шпіонажъ достигъ своего нынѣшняго сказочнаго развитія, большая публика мало о немъ знаетъ. Она не знаетъ, что весь міръ наводненъ постоянными и случайными германскими агентами, при чемъ случайные маскируютъ работу главныхъ. И несмотря на то, что вышла масса книгъ, въ которыхъ изобличался германскій шпіонажъ, эти книги далеко не охватили и не раскрыли всѣхъ организацій, какъ не подняли надъ ними завѣсы и воспоминанія создателя германской шпіонской школы, Штибера, который въ своей книгѣ говоритъ только о томъ, что ему нужно, и не выдаетъ ни одного секрета.

КАРЛЪ ШТИБЕРЪ

Карлъ Штиберъ родился въ Саксоніи, въ Мерзебургѣ, въ 1818 году въ скромной типичной нѣмецкой семьѣ, не сочувствующей сыну въ выборѣ юридической специальности, въ которой онъ, впрочемъ, себя ничѣмъ и не зарекомендовалъ. Только на 30-мъ году жизни, въ преддверіи бурнаго въ исторіи Европы 1848 года, Штиберъ былъ замѣченъ, выступивъ въ не совсѣмъ благовидной роли провокатора. Въ это время соціалистическое движеніе уже начало пускать корни въ Силезіи, и Штиберъ, поступившій на фабрику братьевъ Шефель, угодничалъ передъ хозяевами и держалъ себя за панибрата съ рабочими, нащупывая, куда примкнуть. Онъ попалъ въ свою сферу. Побѣдивъ сердце дочери одного изъ директоровъ, онъ скомпрометировалъ другого директора, запутавъ его въ соціалистическое движеніе; бѣдняга былъ обвиненъ въ возбужденіи мятежа и приговоренъ къ году тюрьмы за проступокъ, въ сущности совершонный самимъ Штиберомъ.

Это дѣло и явилось поворотнымъ пунктомъ карьеры Штибера. Прусская полиція его оцѣнила,

и онъ вступилъ въ нее секретнымъ агентомъ, ставъ типичнѣйшимъ провокаторомъ. Провокаторскіе таланты Штибера были столь ярки, что въ тѣ смутныя времена прусской революціи на него удостоилъ обратить вниманіе даже король Фридрихъ-Вильгельмъ, ставшій впослѣдствіи германскимъ императоромъ Вильгельмомъ I. И когда въ 1854 году начались преслѣдованія соціалистовъ Штиберъ уже является въ почетномъ званіи „полицейскаго совѣтника“ своего короля.

Пользуясь вліяніемъ на Фридриха-Вильгельма, Штиберъ постепенно накладываетъ свою руку и на военный шпіонажъ и на общую полицію и явился проводникомъ процвѣтающей теперь въ Германіи системы, которую онъ же сначала распространилъ на сосѣднія нѣмецкія государства.

Система Штибера, которую въ свое время не разгадали и не поняли сосѣди Пруссіи—Австрія и Франція, подвергшіяся впослѣдствіи завоевательному разгрому со стороны пруссаковъ, помогла Пруссіи стать великой державой и получить гегемонію въ Германскомъ союзѣ.

Передъ войной съ Австріей Бисмаркъ, успѣвшій оцѣнить таланты Штибера, направилъ его въ Богемію, гдѣ Штиберъ и насадилъ свою сѣть шпіоновъ, благодаря которымъ каждое движеніе австрійцевъ становилось извѣстнымъ пруссакамъ ранѣе, чѣмъ австрійцы его предпринимали.

Хотя система распредѣленія шпіонскихъ по-

стовъ въ тѣ времена еще не достигла современнаго германскаго идеала, можно смѣло сказать, что кампанія противъ Австріи была наполовину выиграна Штиберомъ прежде, чѣмъ германскія войска перешли границу Богеміи. И въ печальномъ для Австріи финалѣ войны, закончившейся разгромомъ при Садовой, Штиберу принадлежала не меньшая роль, чѣмъ „германскому учителю“ и германскимъ войскамъ. Но, при всей своей циничной откровенности, Штиберъ не сказалъ въ своей книгѣ, какъ онъ этого достигъ.

Послѣ уничтоженія Австріи Штиберъ перенесъ свою дѣятельность во Францію, подготовляя почву для давно уже задуманной Бисмаркомъ войны 1870 года. Штиберъ такъ все подготовилъ, что вторгшійся во Францію непріятель зналъ страну лучше, чѣмъ солдаты Наполеона III.

Штиберъ дѣйствовалъ независимо отъ дипломатическаго корпуса и насаждалъ шпіонскіе посты по своему усмотрѣнію. Добродушные французы проглядѣли его опасную работу, можетъ-быть, потому, что это дѣло было ново, и французскія власти о немъ даже не догадывались. Благодаря этой близорукости французскаго правительства, Штиберу удалось создать въ каждомъ городѣ сѣверо-восточной Франціи и въ каждой французской деревнѣ шпіонскій постъ.

Организація была такъ совершенна, что пруссакамъ были до мелочей извѣстны характеры

французскихъ военачальниковъ, ихъ привычки, странности, даже скандальныя исторіи ихъ жизни. Планы же французскихъ округовъ и укрѣпленій у нѣмцевъ были даже точнѣе, чѣмъ тѣ, которыми располагали сами французы. Когда германскія войска вступили на французскую территорію, они знали всѣ слабости страны лучше мѣстнаго населенія.

Штиберъ и его высокій покровитель—«желѣзный канцлеръ» —ничѣмъ не брезговали для достиженія своихъ цѣлей. Для успѣха войны 1870 года и для обезпеченія благожелательнаго нейтралитета со стороны Россіи имъ надо было возстановить императора Александра II противъ Франціи и Наполеона. И Штиберъ съ невѣроятно циничной откровенностью разсказываетъ въ своей книгѣ, какъ они съ Бисмаркомъ обдѣлали это дѣльце. Они задумали инсценировать покушеніе на Императора Александра II во время его пребыванія въ Парижѣ, учитывая заранѣе, что французскій судъ за покушеніе не приговоритъ преступника къ смертной казни. А это, конечно, выроетъ пропасть между русскимъ и французскимъ правительствами.

Такимъ образомъ, извѣстный въ исторіи выстрѣлъ въ Императора Александра II въ Парижѣ явился дѣломъ рукъ Штибера, который заранѣе подготовилъ свой провокаціонный планъ такъ, чтобы покушеніе не удалось.

Результаты оправдали ожиданія Бисмарка и Штибера: покушавшійся не былъ казненъ, но въ войну 1870 года русское правительство не могло не вспомнить снисхожденія французскаго правительства къ покушенію на жизнь Монарха, пользовавшагося гостепріимствомъ Франціи...

Ударъ былъ направленъ вѣрно. Штиберъ, организовавшій покушеніе, могъ и вовсе ему воспрепятствовать, какъ онъ это и хотѣлъ сдѣлать въ послѣднюю минуту. Но Бисмаркъ его удержалъ, чтобы воспрепятствовать русско-французскому союзу, прозорливо предугаданному коварнымъ германскимъ канцлеромъ. Впрочемъ, Бисмарку пришлось потомъ убѣдиться, что франкорусскій союзъ все-таки сталъ реальнымъ фактомъ, и что очевидно ни Бисмарки, ни Штиберы не въ силахъ измѣнить хода исторіи, но въ тотъ моментъ онъ достигъ реальнаго результата: Пруссія, начинавшая войну съ Франціей, могла не бояться Россіи, а Наполеонъ ни при какихъ обстоятельствахъ не могъ разсчитывать на помощь русскихъ. Франціи это стоило потери Эльзаса и Лотарингіи и пять милліардовъ контрибуціи. Штиберъ же въ своей книгѣ цинично называетъ инсценировку гнуснаго покушенія «шуткой».

Послѣ войны 1870 года этотъ господинъ, «шутившій» такими вещами, былъ осыпанъ почестями и пользовался огромнымъ вліяніемъ.

Характеристика Штибера была бы не полной,

если умолчать, что современный синдикализмъ является воплощеніемъ мечтаній Штибера, заботившагося, конечно, не о томъ, чтобы облагодѣтельствовать трудящіеся классы, а только о томъ, чтобы ослабить врага на случай войны съ Германіей.

Штиберъ умеръ въ 1892 году, окруженный почестями и оплакиваемый тѣми, кому онъ служилъ.

Онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-либо для насажденія въ свое время раздора между Франціей и Россіей; онъ содѣйствовалъ подчиненію Австріи въ теченіе семинедѣльной войны съ Пруссіей и униженію Франціи въ 1870 году.

Онъ умеръ, но его система шпіонажа и насажденные имъ методы живы и понынѣ, и союзнымъ теперь, вопреки волѣ создателей Германской имперіи,—Россіи, Франціи и Англіи приходится считаться съ дѣтищемъ Штибера и въ настоящую войну.

ПОДГОТОВКА ШПІОНОВЪ

Выборъ шпіоновъ на отвѣтственные посты представляется дѣломъ весьма сложнымъ. Прежде всего отъ кандидата требуется знаніе двухъ, а еще лучше—трехъ иностранныхъ языковъ. Это, такъ-сказать, общее правило, но для чисто военнаго шпіонажа, который интересуется планами укрѣпленій другого государства, оцѣнкой его военныхъ силъ и передвиженій, топографическими наблюденіями, требуется цѣлый рядъ спеціальныхъ познаній. Для изученія подробностей военнаго дѣла шпіонъ проходитъ всю офицерскую школу съ той только разницей, что отъ шпіона требуются универсальныя энциклопедическія познанія, а отъ офицеровъ—свѣдѣнія только по своей спеціальности.

Для отвѣтственныхъ обязанностей военнаго шпіона, которому поручается также изученіе характеровъ офицеровъ иностранныхъ армій въ видахъ подчиненія ихъ вліянію шпіона и сообщенія полезныхъ свѣдѣній германскому генеральному штабу, подыскиваютъ поэтому людей блестящихъ способностей и ума.

И предварительно они проходятъ весьма сложную школу обученія, продолжающагося часто нѣсколько мѣсяцевъ. Чтобы работа шпіона была продуктивна, онъ долженъ быть тонкимъ наблюдателемъ, умѣющимъ учитывать самыя ничтожныя данныя и чертить планы часто даже безъ инструментовъ.

Шпіонъ долженъ быть, кромѣ того, превосходнымъ фотографомъ, умѣть оцѣнивать разстояніе при всякой погодѣ и освѣщеніи, умѣть опредѣлять прочность устоевъ мостовъ съ точки зрѣнія условій данной почвы и сразу опредѣлять, сколько нужно взрывчатаго вещества, чтобы этотъ мостъ разрушить.

Въ этомъ отношеніи характернымъ примѣромъ можетъ служить германскій шпіонъ, который долженъ былъ освѣдомить свое правительство, сколько, когда и гдѣ нужно поставить людей, чтобы взорвать Фортсъ-Бриджъ.

Положеніе такого шпіона осложняется обязательствомъ не возбуждать въ окружающихъ никакихъ подозрѣній, почему онъ долженъ производить всѣ оцѣнки и строить выводы по глазомѣру, соблюдая минимальную точность до ярда въ длину и фута въ высоту.

Конечно, такая техническая подготовка дается не легко, тѣмъ болѣе потому, что военный шпіонъ, работающій, напримѣръ, въ Англіи, долженъ знать по внѣшнему виду всѣ единицы англійской

арміи и помнить каждое слово того условнаго кода или шифра, которымъ эта единица обозначена въ германскомъ штабѣ.

Ислючительная память такого шпіона должна охватывать также всѣ условныя названія различныхъ видовъ орудій, и, конечно, шпіонъ долженъ разбираться во всѣхъ взрывчатыхъ веществахъ и формахъ снарядовъ.

Техническая и военная подготовка шпіона должна быть такова, чтобы онъ не могъ быть въ затруднительномъ положеніи. Онъ долженъ возможно точно чертить на память планы любого укрѣпленія, разставлять людей и орудія и избѣгать даже малѣйшихъ ошибокъ и неточностей, потому что съ точки зрѣнія его патроновъ, неточность—хуже полнаго незнанія.

Шпіону дается полная свобода въ способахъ пріобрѣтенія свѣдѣній, и методы его обученія чрезвычайно различны примѣнительно къ обстоятельствамъ и въ зависимости отъ способностей, ловкости каждаго шпіона, его умѣнья пользоваться людьми и обстоятельствами.

Эти пріемы, пожалуй, немыслимо усвоить выучкой и тренировкой; надо для этого явиться на свѣтъ Божій съ врожденными шпіонскими способностями.

Отъ морского шпіона требуется, кромѣ того, еще идеальное знаніе всѣхъ подробностей морского дѣла. Кромѣ береговыхъ укрѣпленій и до-

ковъ, которые входятъ и въ сферу компетенціи военнаго шпіона, морскому шпіону приходится еще изучать всѣ классы военныхъ судовъ, топографію и тригонометрію, черченіе и судостроеніе, всѣ типы торпедъ, минъ, подводныхъ лодокъ, орудій, чтобы онъ могъ сразу оцѣнить силу даннаго противника.

Морского шпіона послѣдовательно знакомятъ съ конструкціей различныхъ судовъ, крейсеровъ, броненосцевъ и мелкихъ единицъ боевого флота великихъ державъ, требуя, чтобы онъ опредѣлялъ типъ судна какъ днемъ, такъ и ночью, даже по силуэтамъ. Шпіонъ изучаетъ также формы и отличія чиновъ и всѣ морскіе сигналы.

Пройдя этотъ теоретическій курсъ, онъ подвергается въ портахъ Вильгельмсгафена и Киля практическимъ испытаніямъ по всѣмъ спеціальностямъ, по которымъ его „натаскивали". И вотъ онъ—готовый шпіонъ.

Дипломатическихъ шпіоновъ обыкновенно назначаютъ изъ лицъ, зарекомендовавшихъ уже себя въ военномъ и морскомъ шпіонажѣ. Дипломатическій шпіонъ дополняетъ работу германскихъ посольствъ.

Онъ долженъ быть абсолютно безпринципнымъ и даже безсовѣстнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—блестящимъ лингвистомъ, человѣкомъ съ хорошимъ фамильнымъ именемъ, шикарнымъ съ виду и очень тактичнымъ.

Штатъ дипломатическихъ шпіоновъ очень невеликъ, но и работа ихъ оплачивается лучше другихъ видовъ шпіонажа. Главная задача дипломатическаго шпіона—обдѣлывать тѣ дѣла, за которыя не можетъ взяться, по своему положенію, оффиціальный дипломатъ. Попутно дипломатическіе шпіоны дополняютъ дѣятельность оффиціальной дипломатіи и гарантируютъ успѣшность работы всей дипломатической системы.

Каждый шпіонъ работаетъ совершенно самостоятельно, чтобы въ случаѣ своего „провала" не погубить сообщниковъ и не вводить въ дѣло лишнихъ людей, такъ какъ, по принципу Штибера, сохраненіе тайны находится въ обратномъ отношеніи къ числу лицъ, ее знающихъ.

Конечно, вся эта сложная подготовка и тренировка примѣняется только къ крупнымъ фигурамъ шпіонажа, на которыя возлагаются и крупныя операціи. Ихъ многочисленные подручные и помощники, служащіе имъ для собиранія и сообщенія свѣдѣній, тренируются очень мало, такъ какъ ихъ работа не требуетъ и половины тѣхъ техническихъ знаній, которыя нужны отвѣтственнымъ шпіонамъ.

Мелкіе шпіоны знаютъ только свой наблюдательный постъ, съ котораго они и даютъ свѣдѣнія. Между тѣмъ эти шпіоны на постахъ, въ виду подавляющаго количества ихъ, поглощаютъ, по германскому бюджету, огромныя цифры. По

оффиціальнымъ отчетамъ, на нихъ идетъ около 8 милл. руб. въ годъ и столько же еще дается безъ отчета.

Военный и морской отдѣлы шпіонажа находятся подъ непосредственнымъ контролемъ германскаго генеральнаго штаба, дипломатическимъ же всецѣло вѣдаетъ министерство иностранныхъ дѣлъ.

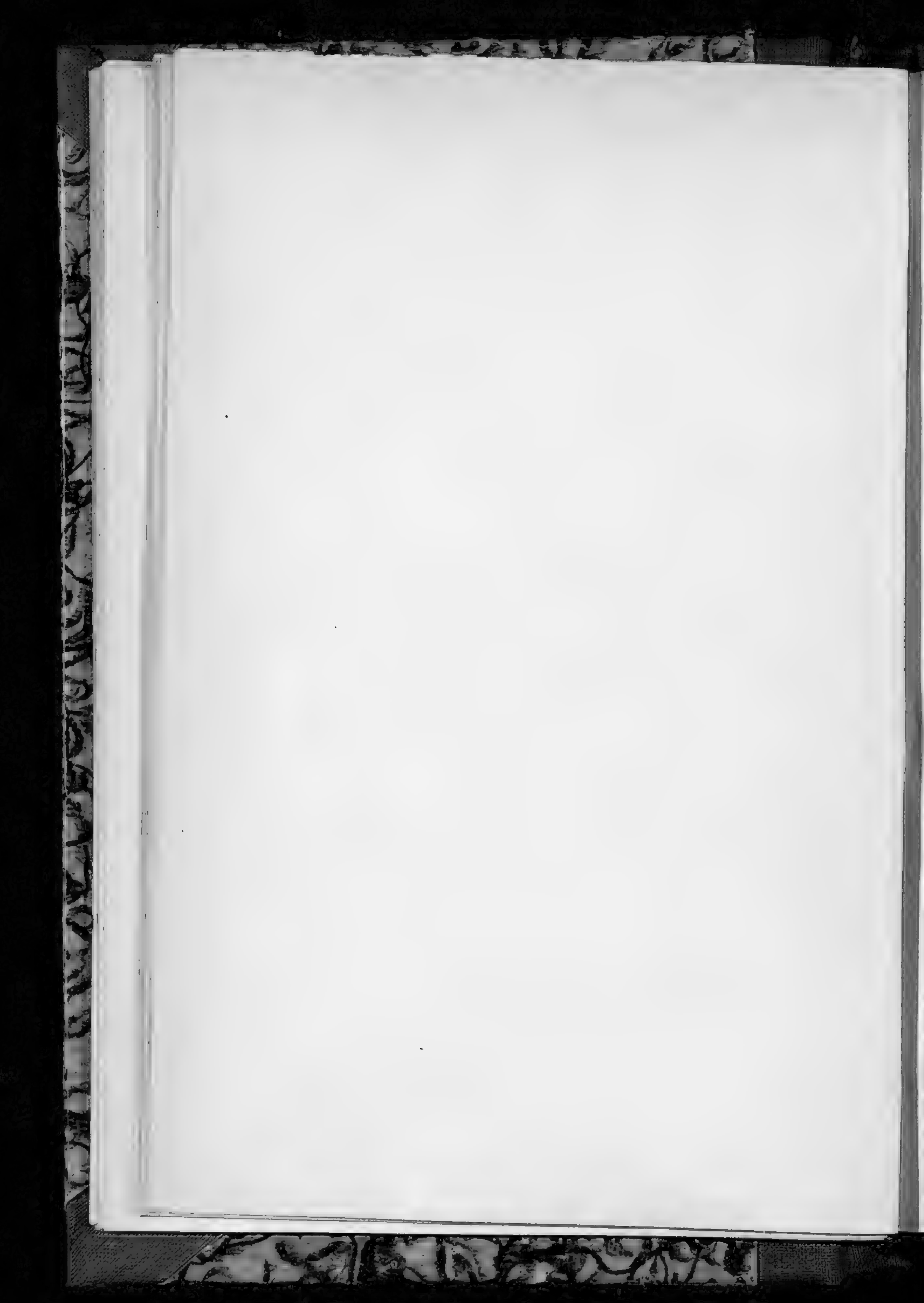
Для полноты представленія о всей шпіонской организаціи необходимо отмѣтить, что, вслѣдствіе упорнаго германскаго консерватизма, организаціи германскаго шпіонажа остается неизмѣнной десятки лѣтъ, не взирая даже на то, что въ другихъ государствахъ уже достаточно знакомы съ этимъ оружіемъ врага и стараются не останавливаться на контръ-мѣрахъ, чтобы успѣшно обороняться.

Хотя прошло 22 года со смерти Штибера, всѣ его пріемы сохранились неприкосновенными,— такъ мало подвижны методы германской государственной власти и столь не изобрѣтательны замѣстители Штибера.

Правда, мелочи измѣнены, но остовъ, основа, сохранились въ полной неприкосновенности. Между тѣмъ для Германіи было бы выгодно, если бы ея система была болѣе гибка, такъ какъ работа Штибера, неизвѣстная до сихъ поръ большой публики, давно не составляетъ тайны для другихъ странъ, которыя благодаря этому успѣли

эволюціонировать въ этой области въ то время, какъ Германія осталась неподвижной.

Процессъ Карла-Густава Эршета въ Лондонѣ показалъ, что правительства другихъ государствъ хорошо знаютъ сущность германской системы и сумѣли принять противъ нея предохранительныя мѣры. Германія, очевидно, не нашла другого Штибера, способнаго итти за вѣкомъ въ этой области.

ВОЕННЫЙ ШПІОНАЖЪ

Наиболѣе яркое представленіе о германскомъ военномъ шпіонажѣ даетъ поднятіе исторической завѣсы. Распространенное мнѣніе, будто германское нашествіе на Францію началось въ іюлѣ 1870 года, является заблужденіемъ, такъ какъ еще въ сентябрѣ 1867 года Штиберъ размѣстилъ въ департаментахъ Восточной Франціи 30 тысячъ шпіоновъ, которые и подготовили торжество фельдмаршалу фонъ-Мольтке.

Яркимъ примѣромъ, освѣщающимъ эту систему, можетъ служить эпизодъ о взаимоотношеніяхъ Бисмарка, Штибера и знаменитаго французскаго патріота Жюля Фавра, на котораго были возложены переговоры относительно сдачи Парижа въ 1870 году. Бисмаркъ и Фавръ встрѣтились въ Версалѣ, гдѣ надъ Фавромъ было установлено самое тщательное наблюденіе со стороны Штибера и его агентовъ.

Кучеръ, который везъ Фавра съ вокзала, былъ агентомъ Штибера; домъ на бульварѣ де-Руа, предоставленный Фавру, считавшему, что онъ принадлежитъ чистому парижанину и жителю

Версаля, принадлежалъ въ дѣйствительности шпіону германской службы, назначенному Штиберомъ передъ самой войной и всей душой служившему германскимъ войскамъ послѣ занятія Версаля.

Чтобы подчеркнуть особое вниманіе къ Фавру, Бисмаркъ приставилъ къ нему особаго тѣлохранителя, которымъ былъ не кто иной, какъ самъ Штиберъ, открывшій эту тайну въ своихъ мемуарахъ. Фавръ и не догадывался, что домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ штабъ-квартирой германскаго шпіонажа, а прислуживавшій ему у стола, въ спальнѣ и въ уборной человѣкъ—глава этого шпіонажа, Штиберъ, исполнявшій всѣ обязанности лакея...

Это дало возможность Штиберу рыться въ багажѣ Фавра, въ карманахъ его платья и добыть свѣдѣнія, которыя оказались очень цѣнными для Бисмарка во время переговоровъ о мирѣ.

Штиберъ въ своихъ воспоминаніяхъ распубликовываетъ между прочимъ любопытные документы въ видѣ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ Штиберъ долженъ былъ руководствоваться послѣ разгрома Франціи для неослабнаго наблюденія за покоренной страной.

Въ этихъ циркулярахъ предлагается не выбирать агентовъ, связанныхъ службой въ мѣстныхъ конторахъ и магазинахъ, такъ какъ, въ случаѣ увольненія ихъ изъ учрежденій, для нихъ не

будетъ уважительныхъ причинъ, чтобы оставаться на наблюдательныхъ постахъ въ чужой странѣ. Къ тому же частныя должности стѣсняютъ свободу, независимость агентовъ и дѣлаютъ его слишкомъ замѣтнымъ. Шпіонъ поэтому долженъ выбираться изъ людей, имѣющихъ самостоятельное дѣло, соотвѣтствующее коммерческимъ условіямъ и рынку данной мѣстности. Пусть это будетъ справочная контора, гастрономическій магазинъ, кафе, ресторанъ, но эти предпріятія должны пользоваться хорошей репутаціей, чтобы пріобрѣтать довѣріе населенія буржуазнымъ образомъ жизни, тактичной благотворительностью, содѣйствіемъ мѣстнымъ ассоціаціямъ и организаціямъ, созданіемъ прочнаго соціальнаго положенія.

Циркуляръ подчеркиваетъ, что каждый агентъ долженъ имѣть полную увѣренность, что всѣ убытки отъ его предпріятія будутъ всегда покрыты германскимъ правительствомъ...

При такой тенденціи понятенъ ежегодный расходъ въ 8 милл. на содержаніе штатнаго германскаго шпіонажа. Низшіе агенты—постовые шпіоны—получаютъ отъ 20-ти до 40 р. въ недѣлю, независимо отъ возмѣщенія всѣхъ расходовъ „по дѣлу". Окружные штабы германскаго шпіонажа въ нейтральныхъ странахъ, расположившіеся въ Брюсселѣ, Лозаннѣ и Женевѣ, ежемѣсячно выплачиваютъ шпіонамъ ихъ воз-

награжденіе въ формѣ дѣловыхъ денежныхъ переводовъ.

Каждый постъ періодически подвергается контролю со стороны разъѣздныхъ инспекторовъ, обязанности которыхъ исполняются коммивояжерами, а часто даже женщинами. Эти инспектора лично отбираютъ отчеты агентовъ, чтобы избѣжать перлюстраціи на французской почтѣ, и даютъ дальнѣйшія словесныя инструкціи каждому шпіону.

Къ началу настоящей европейской войны во Франціи работало 15 тыс. германскихъ шпіоновъ. О составѣ этой шпіонской арміи можно судить лишь по аналогіи, сопоставляя ее съ шпіонской агентурой, навербованной Штиберомъ въ 1870 г. Онъ послалъ тогда въ сѣверные департаменты Франціи 4 тыс. фермеровъ на постоянное жительство и двойное число женской прислуги, подходящей для самыхъ разнообразныхъ занятій.

Эту армію контролировали „постовые“ агенты, которые вербовались изъ лицъ тевтонскаго происхожденія въ нейтральныхъ странахъ—Швейцаріи и Бельгіи и отчасти изъ коренныхъ германцевъ, способныхъ не возбуждать подозрѣнія во Франціи. Теперь Германія вербуетъ низшихъ шпіоновъ для Франціи. и другихъ государствъ еще и изъ рядовъ германскихъ эмигрантовъ, которые не столько руководствуются надеждой на вознагражденіе, сколько готовностью служить своему „фатерланду“.

Изъ патріотизма они разсказываютъ постовымъ агентамъ германскаго шпіонажа все, что видѣли и слышали, иногда получая за это мелкія подачки. Но вообще, въ виду такой организаціи, можно считать каждаго нѣмца въ чужомъ государствѣ шпіономъ, несмотря на то, что число профессіональныхъ шпіоновъ ограничено.

Обыкновенно профессіональный шпіонъ устраивается въ такой мѣстности, гдѣ онъ можетъ организовать наблюденіе за укрѣпленіемъ гарнизона и вообще за всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ защитѣ государства. Онъ подыскиваетъ такое дѣло, которое даетъ ему возможность проникнуть въ военные круги, принимаетъ участіе въ благотворительности, посѣщаетъ всѣ увеселенія, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы стать извѣстнымъ въ своей средѣ, старается выглядѣть добрымъ и любезнымъ малымъ и, въ концѣ-концовъ, войти въ дружбу съ кѣмъ-либо изъ офицеровъ гарнизона, отъ которыхъ онъ ловкими маневрами выпытываетъ все, что ему нужно.

Втершись въ довѣріе къ своимъ новымъ друзьямъ, онъ часто по одному, случайно уроненному слову, добываетъ нужный ему матеріалъ. Хотя его друзья не открываютъ ему ничего существеннаго, но, вращаясь въ этомъ кругу, онъ всегда освѣдомленъ о постановкѣ новаго орудія, объ измѣненіи состава гарнизона и о личныхъ привычкахъ офицеровъ, стараясь кутить съ тѣми,

которые пьютъ, и проигрывать деньги тѣмъ, которые питаютъ страсть къ азарту.

Такимъ образомъ, шпіонъ втягиваетъ въ сферу своего вліянія своихъ новыхъ друзей и пріобрѣтаетъ массу свѣдѣній, какъ будто бы даже законнымъ способомъ и безъ особыхъ расходовъ со стороны германскаго правительства.

Шпіонъ зорко слѣдитъ за всѣми мелочами. Какая-нибудь случайная газетная замѣтка о постановкѣ новаго орудія немедленно пополняется свѣдѣніями шпіона объ его мѣстоположеніи, о вѣсѣ снарядовъ, о скорости огня въ минуту, объ имени находящагося при орудіи офицера, о системѣ платформы. Все это заносится въ германскомъ генеральномъ штабѣ на карту, въ книги, такъ сказать, на всякій случай для будущаго. Какую все это имѣетъ реальную цѣнность, показало паденіе Намюра и Мобежа: старшіе германскіе офицеры осадной артиллеріи хорошо знали, сколько орудій они должны заставить замолкнуть въ крѣпостяхъ, какъ они расположены, гдѣ имъ выгоднѣе замаскировать свои орудія, чтобы сильнѣе обстрѣливать противника.

Верхомъ совершенства шпіонскихъ отчетовъ являются топографическія свѣдѣнія. Все, что касается состоянія дорогъ, телеграфовъ, мостовъ, глубины рѣкъ и ручьевъ, положенія всѣхъ зданій, незначительныхъ уклоновъ, кучекъ деревьевъ, пригорковъ и другихъ особенностей мѣстности, —

идеально воспроизведено на планахъ германскихъ офицеровъ. Не менѣе точно извѣстны запасы корма и фуража во всѣхъ городахъ и крѣпостяхъ непріятельской страны.

И эта система, давшая нѣмцамъ побѣду въ 1870 году, была въ полномъ объемѣ примѣнена теперь при вторженіи черезъ Бельгію и наступленіи на Парижъ, которыя были задуманы много лѣтъ назадъ и примѣнительно къ которымъ распредѣлялись постоянные агенты на постахъ.

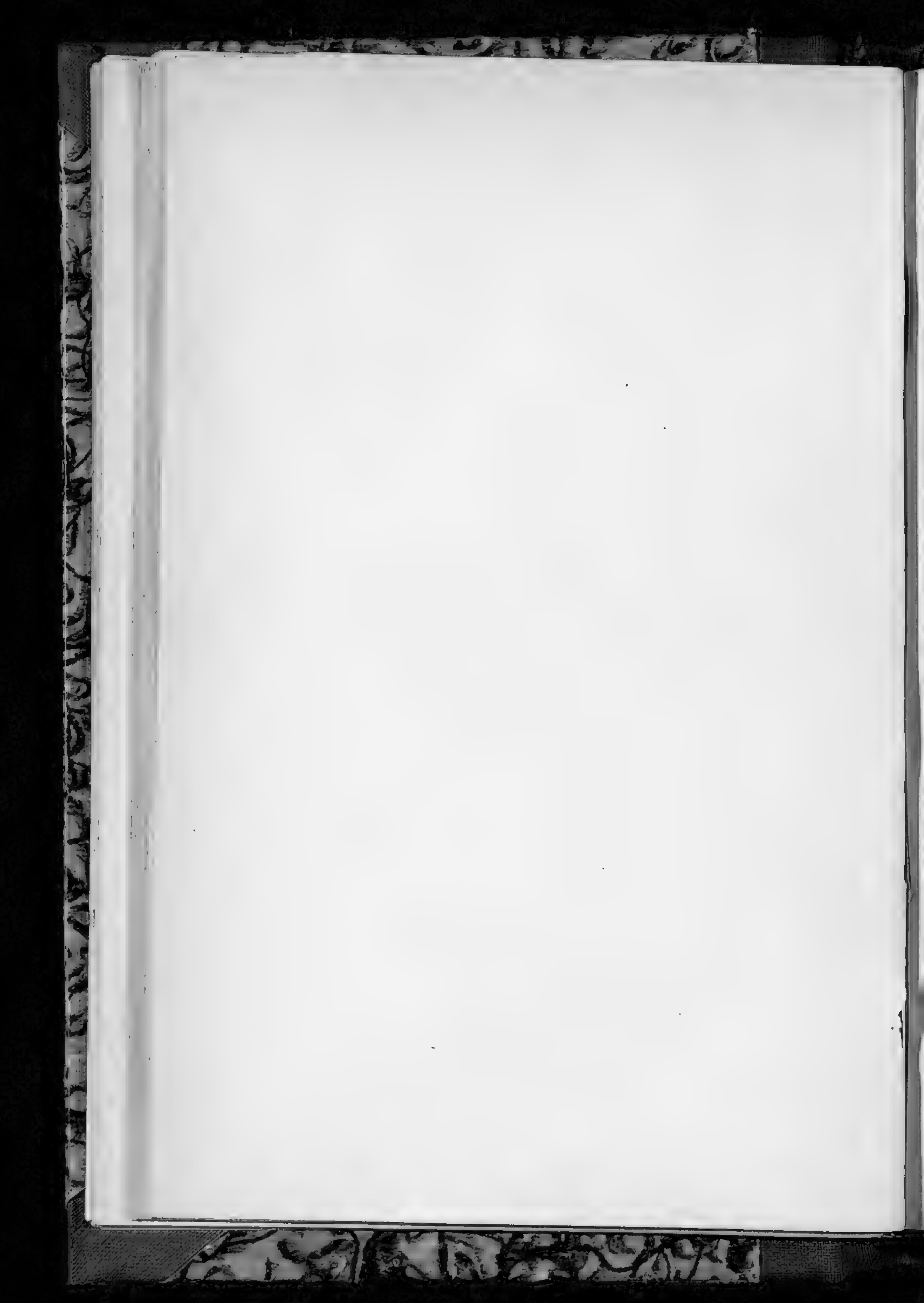
Вступленіе германцевъ въ Брюссель, когда 700 тыс. человѣкъ прошло черезъ столицу безъ малѣйшаго замѣшательства — достаточно яркій показатель этой подготовленности. Военначальники тутъ слѣдовали только указаніямъ тайныхъ агентовъ.

Съ такой же точностью и тщательностью они подготовили, правда, неудавшееся вступленіе въ Парижъ. Заранѣе были распредѣлены кварталы для постоя полковъ. Каждый офицеръ зналъ предстоящую ему роль, и каждый шагъ предполагавшагося вступленія германцевъ былъ подготовленъ до тончайшихъ мелочей агентами, которые подъ видомъ мирныхъ гражданъ много лѣтъ жили въ Сѣверной Франціи и въ Парижѣ. Въ этомъ отношеніи очень характерна надпись: „Пощадить этотъ домъ“, дѣлавшаяся вступившими во французскіе города германцами для

слѣдующихъ за ними эшелоновъ. Не осталось никакого сомнѣнія, что эти дома принадлежали германскимъ агентамъ, у которыхъ офицеры передовыхъ частей получали цѣнныя справки.

Теоретически шпіонажъ имѣетъ значеніе только до появленія въ полѣ войскъ, когда все уже рѣшается силой, и играетъ огромную роль лишь до объявленія войны. Однако жъ, германскій шпіонажъ не оправдываетъ этого общепринятаго положенія, потому что нѣкоторые агенты шпіонажа такъ долго прожили въ данной мѣстности и настолько являются въ глазахъ жителей своими, что продолжаютъ давать цѣнныя указанія германскому штабу и послѣ объявленія войны. Для этого примѣняются самыя разнообразныя системы сигнализаціи: почтовые голуби, расположеніе камней на дорогахъ, связки вѣтвей или ломаныхъ сучьевъ на путяхъ, свѣтовые эффекты. Германскій военный шпіонажъ поэтому—грозная сила какъ до, такъ и послѣ начала военныхъ дѣйствій. Германцы превзошли въ шпіонажѣ даже краснокожихъ дикарей, считающихся лучшими шпіонами.

МОРСКОЙ ШПIОНАЖЪ -

Хотя морской шпіонажъ въ общемъ похожъ на военный, отъ морского шпіона требуются бо̀льшая смѣтливость, опытность и бо̀льшія техническія знанія, чѣмъ отъ военнаго.

Германскіе морскіе шпіоны уже въ теченіе многихъ лѣтъ составляютъ подробнѣйшіе планы восточнаго побережья Англіи, постепенно нанося на нихъ всѣ измѣненія въ зданіяхъ, дорогахъ, мостахъ, устройствѣ укрѣпленій. Конечно, не всѣ эти данныя равноцѣнны по своему военному значенію, но по системѣ германскаго штаба принято не брезговать никакими свѣдѣніями въ расчетѣ, что они могутъ пригодиться въ будущемъ, если не имѣютъ значенія теперь.

Морскіе шпіоны пристраиваются не только на опредѣленныхъ постахъ въ докахъ и гаваняхъ, но и на судахъ. Для этого въ мирное время пользуются невинными на видъ траллерами или частными яхтами, будто бы кейфующими на рейдѣ, а въ сущности перелавливающими сигналы, измѣряющими глубины и изучающими условія береговой обороны. Такіе траллеры оказываютъ

большую услугу своей странѣ и во время войны. Это, между прочимъ, внушительно засвидѣтельствовано подозрительной ролью траллера, находившагося вблизи трехъ англійскихъ крейсеровъ, потопленныхъ въ настоящую войну германской подводной лодкой. Достовѣрно установлено, что этотъ траллеръ не былъ англійскимъ судномъ, и можно съ увѣренностью утверждать, что онъ сыгралъ крупную вспомогательную роль для подводной лодки, сигнализуя ей подробности, которыми она не могла располагать сама, и прикрывая ея приближеніе.

Работа морского шпіона въ мирное время ярко иллюстрируется судебными процессами, ставшими достояніемъ гласности.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Талантливый офицеръ военнаго судна „Caroline", младшій лейтенантъ Ульмо, попалъ подъ вліяніе женщины-шпіона, извѣстной какъ ему, такъ и его друзьямъ подъ кличкой Лизонъ. Ульмо устроилъ для нея уголокъ, превращенный Лизонъ въ курильню опіума.

Всецѣло подпавъ подъ вліяніе этой женщины Ульмо въ два года загубилъ свои сбереженія, — что-то около 30-ти тыс. руб. А когда Ульмо понадобились средства для того, чтобы поддержать свое общественное и служебное положеніе, Лизонъ предложила ему продажу военно-морскихъ тайнъ. Правда, юноша сначала съ негодо-

ваніемъ отвергъ это предложеніе, но Лизонъ эксплоатировала ревность молодого человѣка, заигрывая съ его братомъ лейтенантомъ, и за крупное вознагражденіе въ 300 тыс. руб. онъ досталъ изъ потайного ящика судна секретный документъ.

По условію съ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ, онъ долженъ былъ опубликовать эти свѣдѣнія въ видѣ замаскированныхъ публикацій, и это-то его погубило. Лизонъ, подъ видомъ мало интересующейся зрительницы, присутствовала на процессѣ лейтенанта Ульмо, приговореннаго къ разжалованію и пожизненному заключенію.

Конечно, германская система шпіонажа должна была разбиться о систему контръ-шпіонажа и главнымъ образомъ въ Англіи, съ которой Германія соперничаетъ на морѣ.

Англійской тайной полиціи извѣстны посты германскаго морского шпіонажа, и за ними неослабимо наблюдаютъ. Задача контръ-шпіонажа сводится къ тому, чтобы воспрепятствовать проникновенію въ германскій генеральный штабъ въ Берлинѣ важныхъ свѣдѣній, отправленныхъ германскимъ шпіонамъ со своего поста въ Англіи.

Перехватывая свѣдѣнія, посылаемыя въ Берлинъ, разоблачаютъ и шпіоновъ. Это выяснилось между прочимъ на процессѣ доктора Макса Шульца, приговореннаго англійскимъ судомъ за шпіонажъ къ году и девяти мѣсяцамъ тюрьмы.

Шульцъ сознался, что вступилъ въ 1910 году въ секретный отдѣлъ германскаго морского штаба и собиралъ данныя о британскихъ военно-морскихъ силахъ, будто бы для статистическихъ цѣлей. Однакожъ, англійскій королевскій прокуроръ, Руфусъ Исаакъ, установилъ, что Шульцъ предлагалъ британскимъ подданнымъ Дуфу и Таррану по 500 фунтовъ стерлинговъ годового жалованія за доставленіе полезныхъ свѣдѣній.

Шульцъ познакомился съ ними, путешествуя изъ Плимута на яхтѣ „Egrett" вверхъ по рѣкѣ Уэльтъ, и обѣщалъ имъ двойное вознагражденіе за свѣдѣнія конфиденціальнаго свойства.

Противъ Шульца сконцентрировано нѣсколько обвиненій. Онъ незаконнымъ способомъ получилъ секретныя данныя, составляющія государственную тайну, и пытался сообщить ихъ лицамъ, которымъ, въ интересахъ государства, сообщить ихъ нельзя было, а также иностранной державѣ. Онъ пытался также путемъ подкупа получать свѣдѣнія, которыя въ государственныхъ интересахъ не должны были быть никому извѣстны.

Шульцъ пренаивно объяснялъ на судѣ, что эти свѣдѣнія были ему нужны для напечатанія въ газетахъ, но найденные при немъ документы достаточно освѣщали его истинныя цѣли. Между прочимъ оглашенный на судѣ отрывокъ изъ письма, найденнаго при Шульцѣ и исходившаго отъ германскаго генеральнаго штаба, показываетъ,

какого рода свѣдѣнія германскій штабъ требуетъ отъ своихъ шпіоновъ.

Вотъ эти вопросы штаба, адресованные Шульцу: „Какъ обстоятъ дѣла съ командиромъ и лейтенантомъ? Неужели отъ нихъ ничего нельзя ожидать? Офицеры резерва не годятея, ибо они не имѣютъ доступа къ цѣннымъ секретамъ. Тайныя книги и отчеты — вотъ что требуется и что вы должны раздобыть любой цѣной, если хотите продолжать сношенія съ нами".

На судѣ еще выяснилось, что Шульца снабжалъ деньгами нѣкій Тоблеръ, никогда не посѣщавшій Англіи, а найденный при Шульцѣ ключъ секретнаго кода далъ возможность расшифровать телеграммы, которыя Шульцъ отправлялъ Тоблеру. Эти телеграммы чрезвычайно характерны и содержали слѣдующія лаконическія фразы:

„Въ большой опасности, телеграфируйте немедленно 50 фунтовъ". „Въ еще бо́льшей опасности и замѣшательствѣ. Все готово къ отъѣзду. Телеграфируйте 50 и день встрѣчи".

Съ другой стороны, найдены и инструкціи таинственнаго Тоблера, адресованныя Шульцу. Онѣ состояли изъ цѣлаго ряда вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ Шульцемъ одному изъ свидѣтелей обвиненія, мистеру Дуфу.

Вотъ они.

„Даютъ ли офицерамъ и прислугѣ отпуски, и не призваны ли отпущенные? Нѣтъ ли призна-

ковъ накопленія угля, провіанта, амуниціи? Каково настроеніе въ морскихъ кругахъ? Какъ обсуждаютъ моряки настоящее положеніе? Увеличиваются ли команды, готовятся ли суда или они внезапно получили приказы?".

Эти вопросы были предложены, какъ испытаніе Дуфа.

Другіе играли меньшую роль:

„Каково мнѣніе офицеровъ насчетъ войны между Франціей и Англіей противъ Германіи и возможность таковой по марокскому вопросу? Какія суда третьей дивизіи были выведены изъ строя 23-го іюля или въ концѣ іюня, и почему они сократили команду? Сколько офицеровъ и экипажа еще на борту, и почему былъ измѣненъ планъ?"

Раньше, чѣмъ дать отвѣтъ на эти вопросы, м-ръ Дуфъ снесся съ полиціей, и на предварительномъ слѣдствіи было установлено, что если бы британцы всегда поступали, какъ Дуфъ, Таррантъ и сержантъ-полиціи Мартинъ, Англіи нечего было бы бояться никакого шпіонства.

Показаніе м-ра Тарранта подтвердило, что Шульцъ предложилъ ему 50 франковъ въ мѣсяцъ, чтобы быть „военнымъ и морскимъ корреспондентомъ" германской газеты, агентомъ которой былъ Шульцъ.

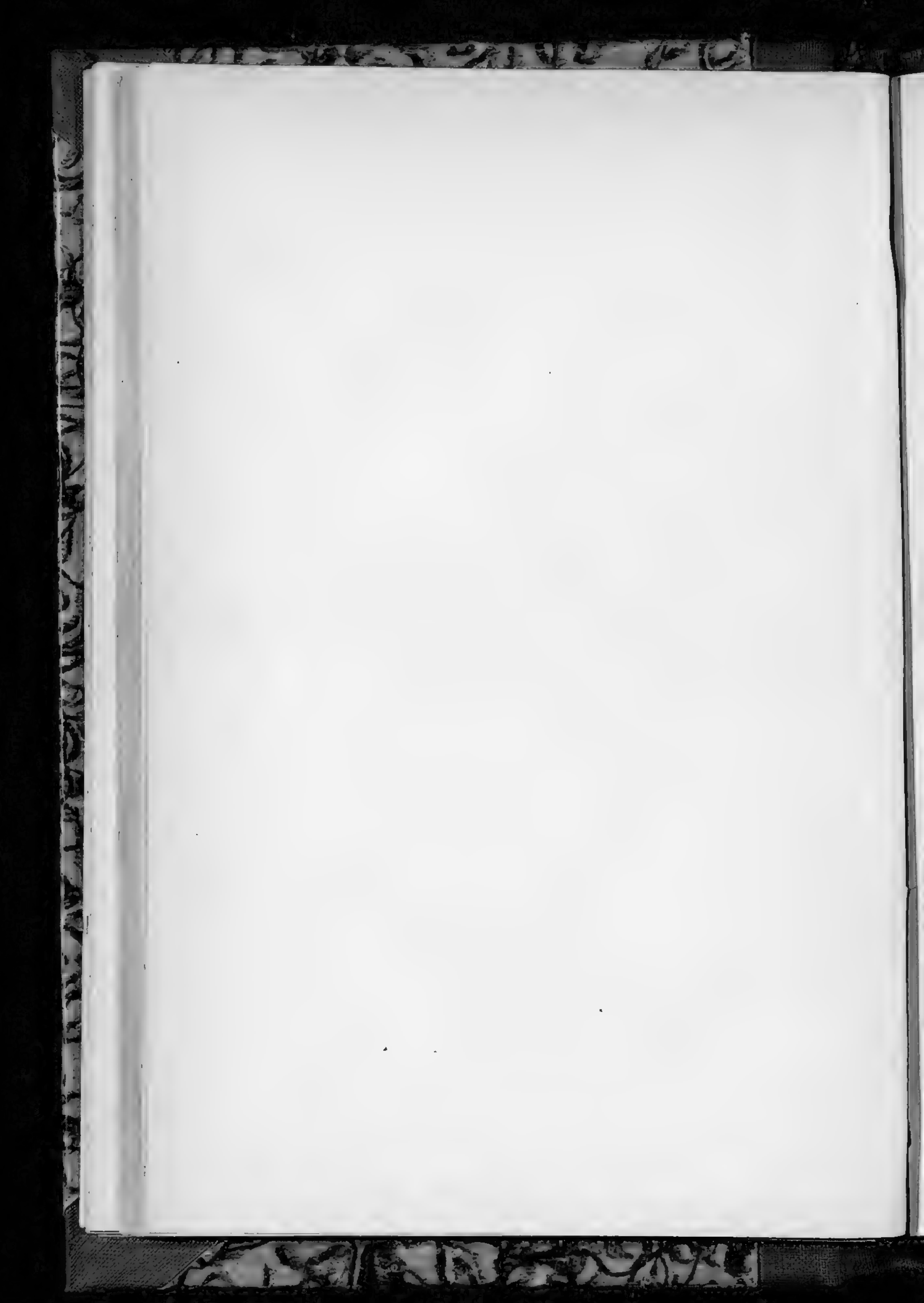
Утвержденія защиты, будто Шульцъ былъ журналистомъ и не нуждался въ секретныхъ

сообщеніяхъ, были краснорѣчиво опровергнуты, и Шульцъ понесъ заслуженное наказаніе, послѣ отбытія котораго, однакожъ, его прежніе германскіе хозяева его разсчитали. Это лучше всего характеризуетъ германскую систему выбрасывать за бортъ тѣхъ, которые попались и не могутъ больше быть использованы.

Процессъ Эрнста показалъ, что контръ-шпіонажъ, организованный во Франціи и Англіи, сильно обезвреживаетъ германскіе происки, и что германцы не останавливаются ни передъ чѣмъ, не скупясь платить даже за свѣдѣнія, заимствованныя изъ альманаховъ и тому подобныхъ источниковъ, которыя они могли бы получить и сами совершенно безплатно.

Однакожъ, именно для Англіи германскій шпіонажъ не такъ ужъ страшенъ, какъ это могло бы показаться, главнымъ образомъ потому, что существуетъ большая разница между изученіемъ и преодолѣваніемъ укрѣпленій. Данныя, добытыя шпіономъ, дѣйствительны только на очень короткій срокъ, такъ какъ планы, системы, приказанія и расположеніе войскъ, въ особенности послѣ объявленія войны, измѣняются, какъ измѣняются сигнализаціи, условные коды, военные порядки. И часто сообщеніе шпіонажа недѣлю спустя уже не имѣетъ цѣны. Вотъ почему, считаясь съ германской системой шпіонажа, не слѣдуетъ ее все-таки слишкомъ переоцѣнивать.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ ШПІОНАЖЪ

Крупная роль женщинъ въ военномъ германскомъ шпіонажѣ еще ярче въ шпіонажѣ дипломатическомъ.

Тотъ образъ женщины-шпіона, который неоднократно воплощался и въ беллетристической и драматической литературѣ—вовсе не миѳъ. И въ дѣйствительности для торжества шпіонажа часто работаютъ сирены удивительной красоты, рѣдкаго ума,—таинственныя и обворожительныя. Словомъ, такія, какими ихъ рисуютъ сенсаціонныя мелодрамы.

Вращаясь въ свѣтскомъ обществѣ, эти сирены часто покоряютъ дипломатовъ и эксплоатируютъ ихъ. Еще недавно облетѣла весь міръ исторія посланника большой державы, человѣка зрѣлыхъ лѣтъ и твердаго ума, оказавшагося игрушкой въ рукахъ такой авантюристки. Она такъ увлекла дипломата, что онъ совсѣмъ позабылъ объ осторожности и чуть не погубилъ и себя, и свое дѣло.

Но дипломатическій шпіонажъ не выливается только въ такія красивыя формы романа съ очаровательной женщиной. Дипломатическій шпіо-

нажъ связанъ часто съ проявленіями болѣе грязными и низкими. Тутъ и подслушиванiе у дверей, и перлюстрація писемъ, и разныя „штучки“, которыя требуютъ спеціальныхъ людей.

Вотъ почему дипломатическому шпіонажу могутъ служить люди разныхъ категоріи, отъ военныхъ атташэ и обворожительныхъ дамъ общества до лакеевъ и канцелярскихъ курьеровъ.

Въ распоряженіе дипломатовъ военныхъ и морскихъ атташэ обыкновенно отпускаются извѣстныя суммы для пріобрѣтенія свѣдѣній. Они за нихъ щедро платятъ, и неудивительно, что они находятъ многочисленные кадры людей, готовыхъ служить имъ въ этой области.

Дипломатическій шпіонажъ обслуживаетъ не только интересы своей страны въ предѣлахъ иностранной державы, но служитъ правительству и царствующему дому на своей родинѣ.

Такъ поставлено въ Германіи. Потсдамъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не пренебрегаетъ, и объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ нашумѣвшія „Записки Луизы Саксонской.

Еще недавно прославился одинъ изъ руководителей внутренняго шпіонажа въ Германіи. Это— нѣкій полковникъ баронъ фонъ-Таушъ, будто бы за свой рискъ основавшій шпіонское бюро, а въ сущности работающій по порученію придворной камарильи для наблюденія за дворами германскихъ

союзныхъ государствъ и за высшими сановниками имперіи.

Въ концѣ-концовъ министръ иностранныхъ дѣлъ привлекъ Тауша къ суду, такъ какъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ Тауша рядъ инсинуацій по своему адресу.

На судѣ выяснилось, что Таушъ, стремясь добыть данныя о націоналистическомъ движеніи въ Польшѣ, поручилъ фонъ-Лютцеву увлечь дочь польскаго магната, руководившаго этимъ движеніемъ, а за одно втереться и въ довѣріе къ отцу. Лютцевъ блестяще исполнилъ порученіе, овладѣвъ сердцемъ дѣвушки, и привезъ всѣ необходимые матеріалы.

Прочитанная на судѣ корреспонденція ввела въ процессъ и графа Филиппа фонъ-Эйленбурга, бывшаго посла въ Австріи и лучшаго друга кайзера, много нашумѣвшаго въ 1907 г. благодаря разоблаченію Максимиліана Гардена, обвинявшаго этого друга германскаго императора въ моральномъ дегенератствѣ и въ извращенныхъ наклонностяхъ.

Процессъ Эйленбурга противъ Максимиліана Гардена рисковалъ скомпрометировать членовъ семьи кайзера и половину офицеровъ германской гвардіи, почему онъ и не получилъ надлежащаго разрѣшенія.

Письмо Тауша къ этому Эйленбургу, оглашенное на судѣ, выяснило, что Таушъ добылъ,

очевидно, по порученію Эйленбурга, компрометирующіе документы, которые могли способствовать паденію все того же германскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Свидѣтельскими показаніями было установлено, что вскорѣ Эйленбургъ выхлопоталъ Таушу крупный австрійскій орденъ, пожалованный, очевидно, за кампанію противъ министра иностранныхъ дѣлъ, неугоднаго Австріи.

Процессъ выяснилъ массу дрязгъ и скандаловъ, подтверждающихъ еще разъ, что не было той низости и гадости, на которую Таушъ былъ бы не способенъ.

Выяснилось, напримѣръ, что принцъ Гогенлоэ не взлюбилъ одного изъ придворныхъ герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго и попросилъ Тауша „убрать" его. Таушъ принялся за дѣло, и вскорѣ въ газетахъ появились порочащія этого придворнаго свѣдѣнія, вынудившія несчастнаго покинуть свой постъ.

Свидѣтели установили, что Таушъ не гнушался никакой работой шпіонскаго характера, разъ она была хорошо оплачена и сулила къ тому же награды орденами, которые всегда обильно украшали грудь Тауша, когда онъ являлся ко двору.

Понятна сенсація, вызванная появленіемъ Тауша въ роли героя грязнаго процесса. Общественное мнѣніе волновалось, не зная, какъ далеко могутъ зайти на судѣ разоблаченія. Таушъ вѣдь нахо-

дился въ непосредственномъ распоряженіи императора, и разоблаченія могли запутать въ дѣло слуги и самаго господина.

Понятно, что Вильгельмъ, узнавъ о процессѣ, приложилъ неимовѣрныя усилія, чтобы прекратить разоблаченія этой шпіонской организаціи при дворѣ и королевской семьѣ.

Обвинить Тауша, который зналъ слишкомъ много и который могъ стать очень опаснымъ въ качествѣ врага короны, если бы его подвергли наказанію, было немыслимо. И дѣло было прекращено.

Но, отдѣлавшись отъ суда короннаго, Таушъ не отдѣлался отъ офицерскаго суда чести, который призналъ его опороченнымъ и подлежащимъ исключенію со службы.

Вильгельмъ, однакожъ, утѣшилъ своего вѣрнаго слугу, выпустивъ его въ отставку со всѣми почестями, положенными для дипломата, и солидной пенсіей, которая явилась пріятнымъ прибавленіемъ къ сколоченному имъ, по своему исключительному положенію начальника тайной полиціи, состояньицу.

Германскіе дворы союзныхъ государствъ непрестанно находятся подъ такимъ надзоромъ, установленнымъ при содѣйствіи и одобреніи самого Вильгельма не останавливающагося ни передъ какими средствами, чтобы знать все, что дѣлается при союзныхъ дворахъ.

Дневникъ Луизы Саксонской пролилъ свѣтъ на всѣ низости этихъ агентовъ, сѣящихъ раздоръ среди высшихъ представителей германскихъ дворовъ. Тутъ и спеціально подсаженные шпіоны Вильгельма, и перлюстрація корреспонденціи въ „черномъ кабинетѣ“, и кража документовъ.

Словомъ, нѣтъ той низости, которую не примѣняли бы, чтобы держать Вильгельма въ курсѣ всей жизни союзныхъ державъ.

Императоръ Вильгельмъ самъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ дипломатическаго шпіонажа, и чтобы онъ могъ постоянно получать какую угодно справку, всѣ правительственныя учрежденія, способствующія этой организаціи, работаютъ при помощи двухъ смѣнъ чиновниковъ. Императоръ, если ему нужно, даже ночью по телефону получаетъ всѣ необходимыя ему справки. Эта внезапность контроля всѣхъ правительственныхъ учрежденій входитъ въ корень всей системы германскаго управленія. Какъ императоръ среди ночи поднимаетъ иногда на ноги цѣлый гарнизонъ, такъ же онъ контролируетъ всѣ канцеляріи, которыя онъ считаетъ важными въ механизмѣ управленія Германіей, а въ этихъ машинахъ шпіонажъ — самая главная ступень.

Характернымъ примѣромъ шпіонажа у нашего нынѣшняго врага можетъ служить планъ нападенія на Англію, спроектированный нѣсколько лѣтъ тому назадъ барономъ фонъ-Эдельгеймомъ, пред-

полагавшимъ высадить въ Англіи армію въ 300 тыс.
человѣкъ подъ начальствомъ офицеровъ, основа-
тельно знающихъ страну.

Въ этомъ проектѣ Эдельгеймъ говоритъ, что
приготовленія для высадки дессанта должны быть
въ мирное время доведены до такого совершенства,
чтобы противникъ былъ застигнутъ врасплохъ
быстрой мобилизаціей и перевозкой войскъ.

Мобилизованныя для этого силы предполага-
лось заранѣе строго опредѣлить въ мирное время.
Эдельгеймъ намѣтилъ свой планъ въ такомъ
масштабѣ, чтобы германскія желѣзныя дороги
могли сразу подвезти къ портамъ отправленія
всю нужную армію, и чтобы суда, которыя при-
мутъ эту армію, обманули бдительность Англи-
чанъ ложными маневрированіями. Въ рѣшительный
моментъ находящіяся въ морѣ суда должны были
сразу сдѣлать натискъ на англійскій берегъ, а,
вступивъ на него, пользоваться свѣдѣніями, зара-
нѣе пріобрѣтенными шпіонами, долго жившими
въ Англіи.

Теперь, когда этотъ проектъ сталъ достояніемъ
гласности, онъ потерялъ всякое свое значеніе. Но
онъ и до сихъ поръ любопытенъ, какъ показа-
тель той организаціи, на которую разсчитываютъ
нѣмцы.

СИГНАЛИЗАЦІЯ И ШИФРЫ ШПІОНОВЪ

Прибѣгая къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы скрыть свою работу, германскіе шпіоны отправляютъ свои донесенія не почтой, а черезъ странствующихъ инспекторовъ.

Конечно, шпіонамъ оказываетъ огромное содѣйствіе берлинскій „черный кабинетъ", являющійся однимъ изъ главныхъ орудій тайной службы и занимающійся перлюстраціей писемъ.

Этотъ берлинскій „черный кабинетъ" распространяетъ свою дѣятельность и опеку не только на международныя почтовыя отношенія, но и на „враговъ внутреннихъ". По перехваченной перепискѣ стараются обнаружить преступниковъ и поймать шпіоновъ: въ Германіи всѣ, безъ исключенія, письма перлюстрируются.

Знаменитый „кабинетъ" часто разглашаетъ и чужія частныя тайны, благодаря тому, что въ Германіи каждый почтовый чиновникъ имѣетъ право вскрывать любое письмо.

Шпіонажъ такъ вкоренился въ плоть и кровь нѣмцевъ, что нерѣдко такимъ путемъ покупаются не только коммерческіе секреты иностранныхъ

фирмъ, но и конкурирующихъ германскихъ домовъ.

Въ Германіи никто не застрахованъ отъ шпіонажа, каждый шагъ обывателя можетъ служить матеріаломъ для доноса, а перлюстрація писемъ является тамъ процвѣтающей отраслью промышленности.

Въ военное время германская система исчерпывается книгой Клембовскаго „Военный шпіонажъ во время мира и войны". Авторъ указываетъ, что шпіонъ не всегда имѣетъ возможность доложить результаты своихъ изысканій непосредственно своему начальнику, и рекомендуетъ въ такихъ случаяхъ оптическіе сигналы, условныя письменныя сообщенія, шифрованныя телеграммы, при чемъ даетъ подробную инструкцію, какъ примѣнять эти способы сигнализаціи въ соотвѣтствіи съ характеромъ той части войскъ, которую обслуживаетъ шпіонъ, и со свойствомъ мѣстности.

Конечно, сигналы должны быть простѣйшіе. Тутъ и раскладываніе костровъ, расположеніе которыхъ имѣетъ условное значеніе, свѣтъ въ окнахъ, открываніе и закрываніе ставень, связываніе или обламываніе вѣтвей и кустовъ, условныя надписи мѣломъ на деревьяхъ, домахъ, заборахъ и даже скалахъ.

Нѣкоторые нѣмецкіе шпіоны на русской границѣ пользовались даже мелкими камешками въ условныхъ комбинаціяхъ.

Въ особыхъ случаяхъ рекомендуется пользоваться условной корреспонденціей, замаскированной коммерческимъ и даже частнымъ содержаніемъ, которому непосвященное лицо не могло бы придать никакого значенія.

Въ этомъ отношеніи характеренъ процессъ шпіоновъ-эльзасцевъ Клейна и Гредера, которые обвинялись въ шпіонажѣ въ пользу Франціи въ лейпцигскомъ имперскомъ судѣ.

Обвинитель подчеркнулъ, что хотя Клейнъ никогда не былъ въ непосредственной связи съ французскимъ шпіонскимъ бюро, во главѣ котораго стоялъ полковникъ Винцентъ, но письма Клейна сообщались въ военное министерство, изъ котораго Винцентъ получилъ инструкцію, причемъ самой корреспонденціи былъ приданъ родственный характеръ. Поэтому въ письмахъ Клейна неоднократно повторялись имена дядей, тетокъ и другихъ несуществующихъ родственниковъ, которымъ корреспондентъ посылалъ разныя пожеланія, а между тѣмъ подъ этими именами были скрыты термины и названія, условное значеніе которыхъ было хорошо извѣстно французскому секретному отдѣленію.

Въ условной корреспонденціи германскіе шпіоны прибѣгаютъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы устранить подозрѣнія.

Иногда письмо пишется такъ, что получается полный смыслъ, когда читаешь нечетныя строки

и пропускаешь четныя. Примѣняется также перестановка словъ въ условномъ порядкѣ. Существуетъ еще механическiй способъ обмѣна сообщенiями при помощи металлическихъ пластинокъ, раздѣленныхъ линейками на квадраты, которые находятся у обоихъ корреспондентовъ, при чемъ пластинки у того и у другого совершенно одинаковыя.

Посылающiй накладываетъ квадратъ на бумагу и помѣщаетъ, что ему важно, въ самомъ квадратикѣ, а затѣмъ снимаетъ квадратъ и заполняетъ всѣ свободные промежутки произвольными словами, затемняющими смыслъ написаннаго въ клѣткѣ. Получатель письма при помощи наложенiя квадратовъ выясняетъ, что именно ему нужно.

Но всѣ эти способы, конечно, чрезвычайно сложны и требуютъ времени для расшифрованiя, почему и непригодны во время войны.

Употребляются еще всевозможные химическiе растворы, замѣняющiе чернила. Написанное этими чернилами легко выступаетъ при нагрѣванiи. Но этотъ избитый способъ имѣетъ свои отрицательныя стороны, такъ какъ чистый листъ бумаги естественно вызываетъ подозрѣнiя.

Лучшимъ способомъ борьбы противъ шпiонской корреспонденцiи является безусловное уничтоженiе самой невинной съ виду корреспонденцiи изъ непрiятельской страны.

Для шифрованной корреспонденцiи употребля-

ются также болѣе или менѣе извѣстныя сочиненія, слова и фразы, изъ которыхъ, согласно уговору, служатъ условнымъ шифромъ.

Въ этомъ шифрѣ первая цифра обозначаетъ страницу, вторая цифра—строчку, считая сверху и не считая заглавія, третья обозначаетъ слово въ данной строчкѣ.

Если цифра обозначаетъ только букву, слово не подчеркивается, и, наоборотъ, оно подчеркивается, когда цифра должна обозначать цѣлое слово.

Недостатокъ этой системы — въ медленности построенія и расшифрованія посланія. Считаясь съ этимъ недостаткомъ, одинъ германскій офицеръ предложилъ издать спеціальный шифрованный словарь, который представлялъ бы спеціальный секретный кодексъ. Офицеръ полагалъ, что трехъ тысячъ словъ, обозначенныхъ нумерами, было бы достаточно для всѣхъ сношеній, но осуществленіе этого проекта представляло опасность со стороны сосѣднихъ государствъ, которыя могли бы легко пріобрѣсти эту книгу.

Въ ряду разныхъ системъ шифрованной переписки примѣняется еще ключъ къ чтенію. Ключъ всегда обусловленъ подъ неизмѣняющимся числомъ, и онъ всегда прибавляется къ тому числу, которымъ обозначены тѣ или другія слова. Такъ, если слово «полкъ» въ данномъ шифрѣ обозначено № 520, на письмѣ его обозначаютъ нуме-

ромъ 545, такъ какъ для ключа обусловлена цифра 25.

Примѣняются еще два ключа. И тогда, чтобы спутать карты, одно и то же слово въ донесенiи, разъ оно повторяется два раза, обозначается разными цифрами, такъ какъ одинъ разъ къ обусловленной цифрѣ прибавляется цифра одного ключа, а при повторенiи—цифра другого ключа.

Но и съ этимъ добавленiемъ шифръ представляетъ неудобство, такъ какъ его легко можно потерять. Такой случай былъ разъ съ начальникомъ дивизiи французскихъ территорiальныхъ войскъ въ Шалонѣ-на-Марнѣ, который по ошибкѣ услалъ свой шифръ въ архивъ. Шифры неудобны и для шпiоновъ, которымъ и трудно, и рискованно постоянно таскать ихъ съ собой.

Что касается до употребленiя шифровъ, установлено, хотя трудно сказать кѣмъ именно, что германское тайное бюро можетъ расшифровать любое письмо, написанное на какомъ угодно языкѣ съ помощью какого угодно кода.

Въ одномъ изъ разсказовъ Эдгара По указанъ способъ расшифрованiя любого кода, носящаго постоянный характеръ, т.-е. такого, въ которомъ одинъ и тотъ же знакъ всегда обозначаетъ одну и ту же самую букву; и весьма возможно, что человѣкъ, хорошо знакомый съ шифрами всегда сумѣетъ разобраться въ любомъ кодѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь каждый кодъ составленъ

по извѣстной системѣ и, слѣдовательно, всегда можно найти обратную систему, которой онъ можетъ быть расшифрованъ безъ помощи ключа.

Во время войны Берлинъ умѣетъ пользоваться также и священниками, правда, недостойными носить это имя. Многіе изъ германскихъ деревенскихъ пасторовъ очень бѣдны и принадлежатъ къ сравнительно низкому классу населенія и поэтому не гнушаются оказывать услуги германскому тайному бюро. Люди такого сорта употребляются для службы на поляхъ сраженій, гдѣ они могутъ принести большую пользу, доставляя подъ предлогомъ ухаживанія за ранеными, свѣдѣнія относительно передвиженія войскъ противника. Въ случаѣ отступленія противника такой пасторъ-шпіонъ долженъ сообщить самыя детальныя свѣдѣнія относительно потерь въ людяхъ и орудіяхъ у отступающихъ, а также о духѣ ихъ войскъ, пользуясь сигналами: сломанными вѣтвями, разбросанными камушками и т. д.

Однимъ изъ излюбленныхъ способовъ шпіонажа, примѣняемыхъ въ военное время, является пользованіе флагомъ Краснаго Креста. По законамъ международнаго права, повозки Краснаго Креста могутъ проѣзжать всюду, даже среди расположенія войскъ противника, чтобы подбирать раненыхъ; и Германія, „ведущая войну всѣми средствами, имѣющимися въ ея распоряженіи», не постѣснялась извлечь пользу изъ повозокъ

Краснаго Креста, какъ для цѣлей шпіонажа, такъ и для прикрытія орудій.

Имѣются подлинныя свѣдѣнія, что нѣмцы примѣняли послѣдній пріемъ, вѣроломно открывая огонь по войскамъ союзниковъ.

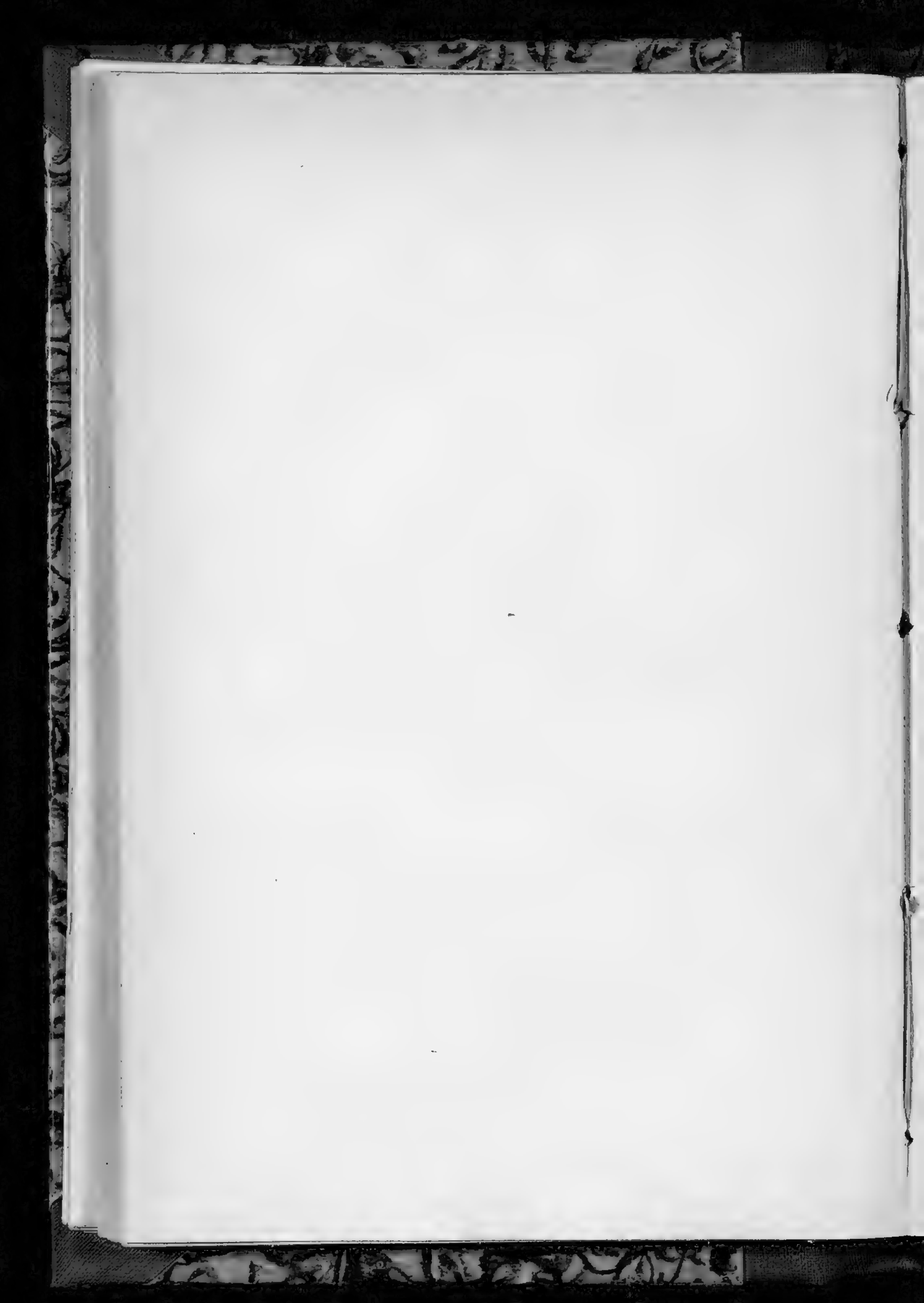
Другой способъ полученія требуемыхъ свѣдѣній такой: къ позиціи непріятеля посылаются два развѣдчика, при чемъ они тащатъ за собой проволоку, одинъ конецъ которой находится въ рукахъ ихъ части. Этимъ развѣдчикамъ приказываютъ насколько возможно ближе подползти къ непріятелю. Вполнѣ понятно, что, когда они слишкомъ приближаются къ окопамъ противника, ихъ убиваютъ. Тогда проволоку немедленно сматываютъ и, измѣривъ ее, получаютъ самое точное представленіе о дистанціи для прицѣла артиллерійскаго огня.

Въ мирное время, всѣ добытыя свѣдѣнія никогда не направляются непосредственно въ Берлинъ. Постоянные шпіоны, какъ уже было сказано, выбираютъ себѣ, по своему усмотрѣнію, помощниковъ. Всѣ ихъ донесенія собираются путешествующими шпіонами, находящимися въ свою очередь подъ контролемъ областныхъ агентовъ, останавливающихся въ Бельгіи и въ Швейцаріи (до начала настоящей войны), но не въ Германіи. И, наконецъ, уже эти послѣдніе сообщаютъ все въ центральное тайное бюро въ Берлинѣ, гдѣ происходитъ сортировка и класси-

фикація всѣхъ полученныхъ свѣдѣній. Это — непріятная, грязная и гнусная работа, совершенно лишенная той романтичности, которой проникнуты различныя повѣсти о шпіонахъ.

И, какова бы ни была судьба нѣмецкихъ армій на поляхъ сраженій, ясно, что шпіонская служба въ Германіи сдѣлала все, чтобы извратить нравственное чувство націи.

ЖЕНЩИНЫ-ШПИОНЫ

Такой превосходный психологъ, какъ Штиберъ, прекрасно понималъ, что для той системы шпіонажа, которую онъ собирался организовать во Франціи передъ войной 1870 г., женщины-шпіоны были такъ же необходимы и полезны, какъ и мужчины. Поэтому онъ потребовалъ, чтобы во Францію было послано значительное количество прусскихъ женщинъ — служанокъ, гувернантокъ, работницъ, — которыя могли бы, проникнувъ въ семьи французовъ, доставлять полезныя свѣдѣнія своему начальству, т.-е. главнымъ, постоянно-живущимъ во Франціи германскимъ тайнымъ агентамъ.

Кромѣ того, онъ командировалъ туда довольно много хорошенькихъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя должны были занять мѣста служанокъ въ кафэ, барахъ, ресторанахъ и др. подобныхъ учрежденіяхъ, гдѣ онѣ могли бы, пуская въ ходъ всѣ свои женскія чары, заставлять мужчинъ, главнымъ образомъ офицеровъ, нѣсколько развязывать языки.

Штиберъ зналъ, что женщина часто можетъ

добиться въ дѣлѣ шпіонажа того, чего не можетъ добиться мужчина.

И онъ не ошибся.

Тѣмъ не менѣе, онъ избѣгалъ давать женщинамъ-шпіонамъ очень серьезныя и секретныя порученія, такъ какъ не былъ увѣренъ, что прусская женщина можетъ сохранитъ важную тайну.

Большинство промаховъ и ошибокъ, совершенныхъ шпіонами, падаетъ на долю женщинъ, главнымъ образомъ потому, что онѣ теряли контроль надъ своими чувствами и влюблялись въ мужчинъ, на которыхъ онѣ должны были смотрѣть только, какъ на свою добычу.

Такимъ образомъ онѣ часто являлись жертвами своихъ чувствъ, жертвами потому, что Германскій штабъ, прощая мужчинѣ-шпіону ошибку (совершенную одинъ разъ, не болѣе) не прощаетъ ни одного промаха женщинѣ.

Случай съ Лизонъ, которая, влюбивъ въ себя лейтенанта французской арміи Ульмо, вывѣдала у него секретъ какого-то новаго военнаго изобрѣтенія, является хорошей иллюстраціей суровости Германскаго штаба.

Лизонъ превосходно провела это дѣло, ни на секунду не теряя самообладанія и являя верхъ хитрости и изобрѣтательности и не ея была вина въ томъ, что Ульмо попалъ подъ судъ и вся исторія, такимъ образомъ, открылась. Но Германскій штабъ навсегда вычеркнулъ ее изъ спи-

сковъ шпіоновъ и она не получала больше ни одного пфенига отъ своихъ бывшихъ хозяевъ.

Женщины-шпіоны часто употребляются для цѣлей внутренняго шпіонажа; въ Берлинѣ, напримѣръ, свѣтскія женщины устраиваютъ нѣчто въ родѣ салоновъ, въ которыхъ собирается большое общество, и узнаютъ различныя сплетни про отдѣльныхъ личностей, на которыхъ получаютъ возможность вліять, угрожая имъ скандаломъ. Въ другомъ кругу женщины содержатъ дома, въ которыхъ собираются мужчины, и пользуясь чисто-женскими чарами, добываютъ полезныя свѣдѣнія. Еще ниже стоятъ различныя служанки, которыя перлюстрируютъ корреспонденцію, подслушиваютъ всѣ разговоры и сообщаютъ въ Тайное Бюро свѣдѣнія, которыя, безъ такихъ шпіонокъ, могли бы остаться неизвѣстными.

Для внѣшняго шпіонажа женщины рѣдко назначаются на отвѣтственные посты, но въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда это бываетъ, имъ даются весьма опасныя порученія. Одна изъ женщинъ-шпіоновъ Штибера вывѣдала всѣ необходимыя ей тайны, снабжая молодого французскаго офицера кокаиномъ. Если бы офицеръ, о которомъ идетъ рѣчь, нашелъ другой способъ добыванія любимаго имъ яда, шпіонкѣ пришлось бы предлагать ему иное вознагражденіе за получаемыя свѣдѣнія. Но онъ вполнѣ положился на эту женщину и, какъ и всѣ другіе наркоманы,

дошелъ до такого нравственнаго паденія, что выдалъ въ концѣ-концовъ всѣ военныя тайны, которыми онъ обладалъ.

Нѣкоторые изъ женщинъ-шпіоновъ являются прямо артистами въ своей профессіи. Взять, хотя бы, напримѣръ, случай, когда такая женщина въ маленькомъ городкѣ, гдѣ имѣется гарнизонъ, содержитъ домъ сомнительной репутаціи. Она радушно принимаетъ посѣтителей и весьма тактично сочувствуетъ тяжестямъ и невзгодамъ службы какого-нибудь офицера. Она ободряетъ его, даетъ ему совѣты и искренно, повидимому, огорчается вмѣстѣ съ нимъ по поводу каждой служебной неудачи, зависящей отъ чрезмѣрной придирчивости начальства. Ея знакомства даютъ ей опредѣленное соціальное положеніе и, какъ и постоянный шпіонъ-мужчина, такъ и она неразрывно связывается съ жизнью городка и кажется какъ бы его частью — такимъ образомъ она стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній. Далѣе, если она принадлежитъ къ типу женщинъ, нравящихся мужчинамъ, эти послѣдніе начинаютъ говорить ей гораздо больше, чѣмъ они сказали бы представителямъ своего собственнаго пола; они находятъ ея общество смягчающимъ и облагораживающимъ — въ особенности молодые люди — и легко доходятъ до откровенныхъ бесѣдъ, выражая свои надежды и разсказывая о своей службѣ. Они говорятъ все это, ничего не подозрѣвая и поощряются своей слушатель-

ницей къ сообщенію все большихъ и большихъ подробностей. Наконецъ, черезъ два-три мѣсяца послѣ знакомства, у мужчины вырывается какая-нибудь неосторожная фраза, которая моментально дѣлается извѣстной въ Берлинѣ и заносится въ списки. Знакомство понемногу переходитъ въ дружбу; со стороны получается видъ, что двое людей говорятъ просто объ интересующихъ ихъ вопросахъ, на самомъ же дѣлѣ, шпіонка, добившись полнаго довѣрія человѣка, котораго она намѣтила въ качествѣ жертвы, заставляетъ говорить такъ откровенно, какъ онъ не могъ бы даже и предполагать, когда впервые встрѣтилъ эту очаровательную женщину.

Извѣстенъ одинъ случай неудачи среди шпіонокъ, который наглядно показываетъ опасность пользованія ихъ услугами. Женщинѣ, о которой идетъ рѣчь въ этомъ случаѣ, было поручено влюбить въ себя молодого атташе французскаго посольства и ей удалось достигнуть этого, сдѣлавшись его учительницей нѣмецкаго языка. Къ концу курса занятій, проходимыхъ молодымъ человѣкомъ подъ руководствомъ этой женщины, онъ пришелъ къ заключенію, что въ концѣ концовъ вовсе ужъ не такъ влюбленъ въ нее; она же искренно и серьезно полюбила его. Поэтому она стала не только безполезной, но даже и опасной для Германскаго Тайнаго Бюро, такъ какъ могла выдавать нѣмецкія тайны, вмѣсто того

чтобы доставлять полезныя для Берлина свѣдѣнія.

Когда разсматриваешь организацію, созданную Штиберомъ, во всемъ ея объемѣ, получается впечатлѣніе, что громадная часть работы производится безцѣльно; но это такъ же неизбѣжно, какъ и содержаніе боевого флота, безполезнаго въ теченіе 15—20 лѣтъ, какъ содержаніе громадныхъ армій въ мирное время и т. д. Тѣмъ не менѣе ихъ необходимо имѣть всегда въ полной готовности. Точно такъ же необходима вся эта армія шпіоновъ и ихъ донесенія.

Очень большая часть свѣдѣній, доставляемыхъ женщинами-шпіонами, конечно, совершенно безполезна; но изъ всей массы пустой болтовни можно извлечь кое-что существенное, съ германской точки зрѣнія.

Берлинское начальство не только смотритъ сквозь пальцы, но даже и одобряетъ открытіе домовъ терпимости въ городѣ, только потому что ихъ содержательницы могутъ иногда давать цѣнныя свѣдѣнія. Молодые люди изъ иностранныхъ посольствъ и чиновники изъ нѣмецкихъ учрежденій, могутъ посѣщать такія заведенія. Въ первомъ случаѣ берлинское правительство интересуютъ свѣдѣнія, касающіяся посольскихъ дѣлъ, а во второмъ желательны такія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ поведенію тѣхъ, кому вру-

чено управленіе и контроль надъ германскими національными дѣлами.

Постоянные шпіоны, называемые въ своемъ кругу „почтой", должны посылать въ Главное Бюро нѣкоторыя опредѣленныя свѣдѣнія, которыя классифицируются слѣдующимъ образомъ:

Всѣ возможныя свѣдѣнія, относящіяся до генераловъ данной страны, какъ въ отношеніи личныхъ, такъ и служебныхъ подробностей.

Свѣдѣнія о всѣхъ, кто оканчиваетъ военныя школы и переходитъ на дѣйствительную службу въ армію или во флотъ.

Подробности о всѣхъ директорахъ и экзаменаторахъ въ военныхъ и морскихъ училищахъ.

Свѣдѣнія объ оффиціальныхъ обязанностяхъ и личныхъ свойствахъ всѣхъ служащихъ при арсеналахъ, пороховыхъ заводахъ, военныхъ складахъ и проч. учрежденіяхъ, связанныхъ съ военной и морской организаціей.

О штабъ-офицерахъ, адъютантахъ и оберъ-офицерахъ—въ особенности относительно ихъ жизни и привычекъ.

Объ офицерахъ и чиновникахъ, служащихъ въ министерствахъ, секретаряхъ и помощникахъ секретарей въ правительственныхъ департаментахъ, *въ особенности о тѣхъ, у которыхъ финансовыя обстоятельства критическія и дѣла находятся въ безпорядкѣ.*

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе,

что женщина имѣетъ больше всего возможности изучить детали именно личной жизни всѣхъ такихъ лицъ, ясно, что работа женщинъ-шпіонокъ можетъ быть неоцѣнима. Какъ уже было замѣчено, Германія хочетъ знать не только то, что приноситъ непосредственную пользу, но также и все то, что можетъ стать полезнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—ей желательны свѣдѣнія какъ безусловно необходимыя, такъ и тѣ, которыя могутъ въ будущемъ сдѣлаться необходимыми.

И въ средней французской или англійской семьѣ, принадлежащей къ служебному классу, нѣмецкая домашняя прислуга, прекрасно исполняющая свое дѣло и стоящая внѣ подозрѣній со стороны своихъ хозяевъ, можетъ оказать громадныя услуги Германскому Тайному Бюро простымъ только прислушиваніемъ ко всему, что дѣлается вокругъ нея.

Прислуга, будь она шпіонкой или честной женщиной, знаетъ почти все, что только можно знать о своихъ господахъ. Если финансовыя дѣла ея хозяина таковы, что предложеніе подкупа имѣетъ шансы на успѣхъ, она прекрасно объ этомъ освѣдомлена; если ея барыня скомпрометировала себя какимъ-нибудь образомъ и ее можно шантажировать, прислуга знаетъ это лучше всякаго другого, потому что имѣетъ доступъ къ тѣмъ письмамъ, о которыхъ не знаетъ даже и супругъ, и никто не заподозритъ ее въ большемъ, чѣмъ въ простомъ любопытствѣ.

Главный принципъ системы, созданной Штиберомъ, — дѣйствіе по линіи наименьшаго сопротивленія и обезпеченіе себѣ безопасности и въ то же время успѣха выборомъ такихъ простыхъ средствъ, въ которыхъ нельзя увидѣть ничего подозрительнаго — и система эта, какъ теперь вполнѣ ясно видно, дала огромные результаты.

Въ особенности принципъ этотъ примѣнимъ по отношенію къ женщинамъ-шпіонамъ. Главную и самую полезную часть работы дѣлаетъ не таинственная авантюристка, но безупречная и достойная довѣрія женщина, которая каково бы ни было ея положеніе имѣетъ достаточно причинъ занимать его и такимъ образомъ стоитъ внѣ подозрѣній. Но, и авантюристки несутъ нѣкоторую часть шпіонской работы. Такая именно особа провела большую часть той подпольной работы, которая связана съ Марокkскимъ займомъ; такая же авантюристка разстроила тайную свадьбу одного изъ имперскихъ принцевъ, а другая, наоборотъ устроила бракъ между однимъ принцемъ изъ дома Бурбоновъ съ принцессой изъ дома Гогенцоллерновъ. Одна, по сообщенію фонъ-Бловица, совершила такую блестящую кражу документовъ, какой еще не было до сихъ поръ.

Но всѣ эти случаи—только исключеніе изъ той постоянной работы женщинъ-шпіоновъ, ко-

торая въ большей своей части является грязной и мелкой, какъ и работа всякаго шпіона, будь то мужчина или женщина.

Въ военное время женщина играетъ очень маленькую роль, такъ какъ для тѣхъ трудностей, которымъ подвергаются солдаты, а слѣдовательно и шпіоны, во время войны, требуется чисто мужская выносливость. Тѣмъ не менѣе и здѣсь женщины часто несутъ службу при передачѣ порученій. Тѣ, которымъ удается удержаться на мѣстахъ во всевозможныхъ гражданскихъ учрежденіяхъ, могутъ принести большую пользу, вывѣдывая предполагаемые планы, хотя такіе планы обыкновенно держатся въ очень большой тайнѣ, въ особенности теперь, когда организація и размѣры германской системы шпіонажа стали достаточно хорошо извѣстны въ оффиціальныхъ кругахъ другихъ государствъ.

Во время осады Льежа нѣсколько мужчинъ переодѣлись въ женское платье для того, чтобы добыть нѣкоторыя свѣдѣнія, важныя для командира нѣмецкой осадной арміи. Въ другомъ подобномъ случаѣ, на улицахъ города замѣтили четырехъ женщинъ, подозрительныхъ по своему виду и по манерѣ держаться. Онѣ были схвачены и подвергнуты допросу, установившему, что онѣ были переодѣтыми мужчинами; была выяснена также и цѣль маскарада: они оказались нѣмецкими шпіонами и были приговорены къ смертной

казни. Передъ самой экзекуціей они сообщили, что были вынуждены силой взяться за это дѣло; что изъ солдатъ выбираются по жребію нѣсколько человѣкъ, которымъ даются шпіонскія порученія и предлагается выбрать себѣ, по своему желанію, родъ одежды, въ которой они должны отправиться на развѣдки. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти переодѣванія безнадежно неудачны и тѣ, на которыхъ палъ жребій, прекрасно понимаютъ, что идутъ почти на вѣрную смерть.

Но человѣкъ, который переодѣвается женщиной безъ предварительной подготовки къ умѣнью носить женское платье не только идетъ навстрѣчу смерти, но ищетъ ее, какъ сдѣлали нѣмецкіе солдаты въ вышеприведенномъ случаѣ.

Извѣстны случаи въ Бельгіи, когда сестры милосердія Краснаго Креста оказывались нѣмецкими шпіонами; были пойманы женщины, занимающія должности сестеръ милосердія только для того, чтобы доставлять свѣдѣнія Германской Главной Квартирѣ. Такіе случаи, однако, весьма рѣдки, такъ какъ сестрами милосердія Краснаго Креста являются обыкновенно хорошо извѣстныя и, безусловно стоящія внѣ подозрѣнія личности: но именно рѣдкость этихъ случаевъ и весьма малая вѣроятность ихъ открытія, дѣлаетъ ихъ особенно опасными. По своему положенію и обязанностямъ, они находятся въ самомъ центрѣ событій и могутъ добывать различныя свѣдѣнія скорѣе, чѣмъ

кто либо, хотя передача этихъ свѣдѣній является далеко не легкимъ дѣломъ.

Восточная и сѣверная Францiя передъ войной была полна женщинъ-шпіоновъ, обильно разсѣянныхъ по системѣ „постоянныхъ постовъ“. Большею частью онѣ были помощницами главныхъ шпіоновъ, такъ какъ женщина рѣдко несетъ обязанности отвѣтственнаго агента. Большинство изъ этихъ шпіонокъ занимали мѣста домашней прислуги, учительницъ или кельнершъ въ заведеніяхъ съ продажей спиртныхъ напитковъ. Въ послѣднемъ случаѣ главнымъ требованіемъ, чтобы занимать должность, являлась привлекательность наружности, отсутствіе чрезмѣрной скромности и умѣнье заставлять мужчинъ развязывать языки.

Такимъ образомъ, если измѣна служитъ главнымъ основаніемъ германскаго шпіонажа, а военная организація строится на этомъ послѣднемъ, съ неизбѣжностью слѣдуетъ, что германская имперія должна погибнуть: слишкомъ ужъ плохой фундаментъ—измѣна, чтобы что нибудь на немъ строить.

ГЕНЕРАЛЫ ОТЪ ШПІОНАЖА

Самое содержаніе работы, производимой шпіонами высшаго полета, дѣлаетъ ихъ иногда обладателями большого количества свѣдѣній, которыя, если шпіонъ воспользуется ими нечестно, могутъ сдѣлаться опасными для германскаго правительства. Такое положеніе вещей очень неудобно для самихъ шпіоновъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ довѣряютъ слишкомъ много—вѣдь даже такая организація, какъ Германское Тайное Бюро можетъ по временамъ дѣлать ошибки—и тогда они гибнутъ.

Подобный случай произошелъ съ однимъ шпіономъ, который, къ несчастью для него, влюбился въ одну даму въ той странѣ, куда онъ былъ посланъ и понялъ, что его долгъ слабѣе, чѣмъ его любовь. Германское Тайное Бюро установило, что онъ не только не годенъ для шпіонажа въ пользу Германіи, но даже можетъ оказывать услуги чужому правительству. На мѣсто пребыванія этого шпіона былъ посланъ извѣстный дуэлистъ съ приказаніемъ вызвать на дуэль из-

мѣнника—и въ результатѣ шпіонъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ убитъ.

И это не единственный случай.

Иногда Главное Бюро въ Берлинѣ, сознавая, что какой нибудь мужчина или женщина знаетъ достаточно, чтобы быть опаснымъ, умышленно выдаетъ ихъ властямъ другой державы, желая такимъ образомъ удалить опасный элементъ, заключивъ его въ тюрьму на такое время, когда онъ перестанетъ быть угрожающимъ.

Такой именно случай произошелъ съ нѣкіимъ Гревсомъ, который обязанъ былъ своимъ арестомъ одному ложно адресованному письму, посланному ему Главной Квартирой, а можетъ быть по ея наущенію.

Система, проводимая Германскимъ Тайнымъ Бюро, не допускаетъ нечаянной ошибки, а если таковыя случаются, то за ними кроется обыкновенно опредѣленная цѣль.

Гревсъ зналъ слишкомъ много и за это пострадалъ; онъ былъ умнымъ человѣкомъ и хорошимъ шпіономъ, но разъ онъ сталъ знать больше, чѣмъ это было удобно главарямъ Германскаго Тайнаго Бюро, онъ былъ безжалостно преданъ и заключенъ въ англійскую тюрьму, гдѣ его освѣдомленность не могла уже ему пригодиться.

Можно думать, что, благодаря характеру работы, возлагаемой на шпіона, трудно находить людей, желающихъ взять на себя такія обязанности.

Подобное мнѣніе, однако, доказываетъ лишь незнаніе нѣмецкаго и въ особенности прусскаго характера и германскихъ воззрѣній относительно нравственности. Въ связи съ этимъ достоенъ упоминанія случай, когда г. Рихтеръ, лидеръ оппозиціи въ рейхстагѣ, заявилъ протестъ по поводу „болѣе чѣмъ сомнительной нравственности личностей, употребляемыхъ на дѣло шпіонажа".

Въ отвѣтъ на это министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Путткамеръ возразилъ, что „обязанность и право государства примѣнять особые и экстраординарные методы. И если даже такой уважаемый и почтенный чиновникъ, какъ полицейскій совѣтникъ Румфъ употреблялъ тѣ средства, въ которыхъ его обвиняютъ, для того чтобы обезпечить благо государства путемъ необходимой и полезной освѣдомленности, я здѣсь публично выражаю ему мое удовлетвореніе и благодарность".

Способы, противъ которыхъ протестовалъ Рихтеръ, заключались въ привлеченіи на службу, въ качествѣ тайныхъ агентовъ, придворныхъ лицъ, депутатовъ рейхстага съ ихъ женами и вообще всѣхъ, кто могъ, какимъ бы то ни было путемъ, помочь дѣлу освѣдомленія Тайнаго Бюро.

Не удивительно, что въ Германской Имперіи развились торговля и промышленность, но понизился нравственный уровень страны; нѣмецкій взглядъ на торжественные договоры и обѣщанія является типичнымъ вообще для нѣмецкихъ то-

чекъ зрѣнія на все. Безчестно только быть пойманнымъ—вотъ краткое выраженіе взглядовъ Германіи на правило поведенія въ жизни.

Учитывая все это, легко понять, что имѣя дѣло съ нѣмцемъ — съ любымъ нѣмцемъ — вы имѣете дѣло съ потенціальнымъ шпіономъ, такъ какъ вся нація слилась и согласовалась со шпіонажемъ, какъ неотъемлемой частью повседневной жизни. Начиная съ ростовщика и соціальнаго паразита и кончая рабочимъ и бродягой, шпіоновъ можно создавать изъ всѣхъ звеньевъ общественной цѣпи—и они дѣйствительно создаются.

Благодаря посредству шпіона-рабочаго, чертежи винтовки Лебеля были въ рукахъ Германіи прежде, чѣмъ хотя бы одна изъ такихъ винтовокъ была вручена французскимъ солдатамъ.

На другомъ концѣ общественной лѣстницы стоитъ фонъ-Путткамеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, санкціонирующій все, что можетъ дать „свѣдѣнія", какой бы это ни наносило вредъ нравственной сторонѣ германской расы. Зараза проникла во всѣ классы нѣмецкаго общества и ни на одного мужчину или женщину нельзя смотрѣть, какъ на здоровыхъ людей.

Нѣмецкіе шпіоны нашихъ дней уже неспособны на крупныя дѣла. Общій уровень системы шпіонажа опустился вмѣстѣ съ націей, которая основала эту систему, до мелкихъ поступковъ и неважныхъ результатовъ.

Въ настоящую войну мы видѣли, что взятіе Брюсселя прошло безъ малѣйшей запинки, благодаря машинному совершенству германской системы шпіонажа. Съ нѣмецкой точки зрѣнія этотъ фактъ достоинъ привѣтствія. Но исторія современной войны не отмѣтитъ ни одного сильнаго удара, подобнаго тѣмъ, которые сдѣлали кампанію 1870 года такимъ великимъ тріумфомъ для Штибера, Бисмарка и ихъ короля.

Въ связи съ упадкомъ германской системы шпіонажа, особенно интересны контръ-мѣры принятыя въ другихъ странахъ. „Scotsman" приводитъ намъ выдержки изъ судебнаго процесса Гревса и, главнымъ образомъ, показанія Инспектора Тренча, который описывалъ имущество Гревса, найденное у него послѣ его ареста.

Когда преступникъ былъ арестованъ въ отелѣ, у него была докторская книжка, повидимому, пустая. Однако, по разслѣдованіи оказалось, что въ ней были склеены вмѣстѣ два листка, въ серединѣ которыхъ находился кодъ. Этотъ кодъ былъ расшифрованъ.

У него также была найдена обойма патроновъ послѣдняго армейскаго образца. Въ кодѣ встрѣчались фразы „укрѣпленія снабжены людьми", „защитныя сѣти опущены" и т. д.

Далѣе, Гревсъ жилъ въ Эдинбургѣ въ качествѣ „студента-медика послѣдняго курса", но не былъ ни разу даже вблизи какого нибудь госпиталя и

для своей корреспонденціи употреблялъ бумаги и конверты хорошо извѣстной англійской фирмы, чтобы избѣжать перлюстраціи своихъ писемъ.

Установленіе въ судѣ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ указываетъ не столько на хитрость Гревса, сколько на искусство и ловкость полиціи, которая держала его подъ наблюденіемъ. Расшифрованіе кода, раскрытіе хитрости Гревса съ бумагой и конвертами и всѣ прочіе факты, выясненные на судѣ, сами по себѣ не очень значительны; но они указываютъ, что если бы германская тайная агентура была также хороша въ наши дни, какъ при жизни Штибера, Гревсъ никогда бы не попалъ въ англійскую тюрьму.

Въ видахъ предосторожности противъ измѣны, возможной со стороны каждаго шпіона, Германское Тайное Бюро удерживаетъ извѣстную часть жалованья, слѣдуемаго шпіону, такъ что за Тайнымъ Бюро всегда остается довольно крупная сумма долга. Предполагается, что это служитъ вѣрнымъ побудителемъ къ лойяльности. И въ большинствѣ случаевъ такъ оно и бываетъ, потому что никто не захочетъ совершить поступокъ, который повлечетъ за собой потерю денегъ, дѣйствительно ему причитающихся.

Принимая во вниманіе корыстолюбіе средняго шпіона, смѣло можно сказать, что нѣтъ болѣе сильнаго предупредительнаго средства противъ возможности измѣны.

Въ связи съ изложенiемъ общей работы шпiоновъ, приходятъ на умъ нѣкоторыя событiя 1870 года. Штиберъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что массовыя повѣшенiя крестьянъ во время франко-прусской войны вызывали неодобренiе даже со стороны безпощаднаго Бисмарка, который видѣлъ въ этомъ политику, за которую можетъ нѣкогда прiйти расплата. Но Штиберъ въ отвѣтъ на это заявилъ: „на войнѣ должно принимать военныя мѣры. Долгомъ каждаго солдата является обязанность убивать солдатъ врага, мѣшающаго намъ двигаться впередъ. Мы, шпiоны, требуемъ себѣ права вѣшать тѣхъ, кто шпiонитъ противъ насъ“.

Возраженiе—блестяще. Члены Германскаго Тайнаго Бюро, способствующiе побѣдѣ подлыми прiемами, поруганiемъ надъ гостепрiимствомъ страны, неожиданно подвергшейся нашествiю прусскихъ полчищъ, считаютъ своимъ правомъ вѣшать коренныхъ жителей этой страны, осмѣливающихся давать свѣдѣнiя своимъ собственнымъ соотечественникамъ. Мемуары Штибера доказываютъ, что онъ виноватъ и въ притупленiи у германцевъ нравственнаго чувства и что его система въ 1870 году положила начало прусскаго презрѣнiя къ человѣческой жизни и всѣхъ звѣрскихъ жестокостей, совершаемыхъ ими въ настоящую войну, 1914 года.

„Одинъ крестьянинъ былъ пойманъ въ то

время, какъ смотрѣлъ на движеніе прусскаго обоза", пишетъ въ своихъ мемуарахъ Штиберъ, „и былъ ложно обвиненъ въ стрѣльбѣ по этому обозу; онъ былъ подвѣшенъ за руки передъ своимъ домомъ и медленно казненъ тридцатью четырьмя пулями, послѣдовательно выпущенными въ него. Для того, чтобы дать примѣръ другимъ, я приказалъ оставить его въ такомъ положеніи въ теченіе двухъ дней подъ охраной двухъ часовыхъ".

Такой случай достоенъ упоминанія въ наши дни, когда происходятъ ужасныя событія въ Бельгіи.

Зародышъ прусскаго варварства былъ, вѣроятно, уже въ самой расѣ, но Штиберъ и ему подобные развили его и довели до такихъ размѣровъ, что имя Германіи звучитъ позоромъ.

АГЕНТЫ-ПРОВОКАТОРЫ

Вопросъ о провокаторахъ очень тонкій, такъ какъ не только трудно получать доказательства, но собственно прямыхъ доказательствъ и не существуетъ, благодаря самой природѣ провокаціи. Самое большое, что можно сдѣлать, это привести нѣкоторые случаи провокаторской работы. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя совпаденія приводятъ неизмѣнно къ одному выводу, и убѣждаютъ, несмотря на отсутствіе опредѣленныхъ доказательствъ и судебныхъ процессовъ, что работа агентовъ-провокаторовъ подвигается впередъ и Главное Тайное Бюро въ Берлинѣ усиленно ей способствуетъ.

Возвращаясь еще разъ къ Штиберу, слѣдуетъ припомнить, что въ самомъ началѣ своей карьеры онъ служилъ въ одномъ коммерческомъ предпріятіи и присоединился къ германскому соціалистическому движенію, но вскорѣ понялъ, насколько для него это невыгодно, и примкнулъ къ той сторонѣ, которая и до нашихъ дней правитъ Германіей. Штиберъ былъ оппортуни-

стомъ и прекрасно учелъ, гдѣ ему больше заплатятъ.

Позже онъ имѣлъ возможность изучить соціальныя условія, созданныя конституціями другихъ государствъ; послѣ 1870 года его заинтересовала французская конституція и, изучая ее, какъ онъ изучалъ все, съ точки зрѣнія удобства или неудобства для своихъ плановъ, онъ увидѣлъ, что въ рукахъ народа сосредоточивалась большая номинальная власть и, слѣдовательно, каждый могъ агитировать и сѣять недовольство въ средѣ рабочаго класса, не опасаясь, что аристократія или бюрократія, которыхъ тамъ не было, положатъ ему предѣлъ. Слѣдовательно, думалъ Штиберъ, если въ то время, когда Германія захочетъ начать войну, можно будетъ поднять классовую борьбу, способствовать образованію трэдъ-юніоновъ и забастовокъ и парализовать промышленность, польза будетъ необычайно велика. Не для Франціи, конечно.

Мы, конечно, не собираемся здѣсь доказывать, что современный синдикализмъ созданъ усиліями Штибера. Но очевидныя и явныя совпаденія наводятъ на размышленія.

Невольно напрашивается заключеніе, что Германія старается, при помощи созданія забастовокъ и рабочаго волненія, ослабить возможнаго врага, когда тому необходима будетъ сила.

Главнѣйшими условіями успѣшной мобилизаціи

арміи и флота являются правильное функціонированіе желѣзныхъ дорогъ и постоянное снабженіе ихъ углемъ.

Для того, чтобы обезпечить себѣ правильное функціонированіе желѣзныхъ дорогъ, Германія увеличила число высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній пятьюдесятью четырьмя военными инженерными училищами. Слѣдовательно, каково бы ни было поведеніе нѣмецкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, въ случаѣ интернаціональной забастовки, германскія желѣзныя дороги нисколько не пострадаютъ и никакое синадикалистское движеніе не сможетъ подорвать мощь Германіи, которая приняла достаточно сильныя оборонительныя мѣры.

Что касается до мѣръ наступательныхъ, то первый ихъ признакъ лежитъ въ ассигнованіи, въ февралѣ 1893 года, суммы въ 80.000 талеровъ „на покрытіе расходовъ по изданію въ иностранныхъ государствахъ печатныхъ произведеній, полезныхъ для политики Имперіи". Ассигнованіе это находится въ связи съ появленіемъ во Франціи знаменитаго „памфлета Менара". Памфлетъ этотъ призывалъ рабочихъ, служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ Франціи, взять предпріятія въ свои руки.

„Служащіе сами должны выбирать себѣ своихъ начальниковъ, что находится въ связи съ принципомъ всеобщаго избирательнаго права. Будетъ только логичнымъ, чтобы эти служащіе имѣли

право избирать тѣхъ, кто будетъ давать имъ приказы, и смѣщать тѣхъ, кто оказался неспособнымъ или справедливымъ...

„Крайнимъ средствомъ для желѣзнодорожныхъ рабочихъ, ищущихъ справедливости, является забастовка. Забастовка—законное оружіе, съ этимъ нельзя не согласиться. Если ее подавляютъ репрессивными мѣрами, то это является лишь превышеніемъ своихъ правъ сильнѣйшей партіей. Организуясь, мы придемъ къ тому, что станетъ возможной общая забастовка всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Это настолько важно, что пусть каждый хорошенько поразмыслитъ надъ этимъ. Не нужно отдѣльныхъ забастовокъ; немного терпѣнія и тогда—всеобщая забастовка".

Далѣе, боясь какъ бы мобилизація французской арміи не убила тѣхъ цѣлей, для какихъ написанъ былъ этотъ памфлетъ, его авторы продолжаютъ, что желѣзнодорожныхъ рабочихъ нельзя принуждать обслуживать мобилизацію, чтобы предупредить забастовку. „Мы знаемъ нашъ долгъ, какъ патріотовъ и знаемъ, когда намъ слѣдуетъ сдѣлаться солдатами; но, если вы, господа офицеры, этого не знаете,—оставьте насъ въ покоѣ, иначе мы призовемъ пруссаковъ".

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого знаменитаго произведенія. Оно безусловно должно быть отнесено къ „печатнымъ произведеніямъ въ иностранныхъ государствахъ, полезнымъ для по-

литики (германской) Имперіи“, и является попыткой возбудить классовую ненависть, призвать рабочихъ къ возстанію противъ военной службы и парализовать во Франціи желѣзнодорожное дѣло, когда Германія сочтетъ это для себя выгоднымъ. Очевидность этого слишкомъ ужъ велика, чтобы принять это за простое совпаденіе. Да и французское правительство разгадало истинную цѣль памфлета. Даже сами союзы французскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ отвергли это произведеніе и одинъ изъ ихъ лидеровъ открыто высказалъ мнѣніе, что это дѣло нѣмецкихъ рукъ.

Памфлетъ этотъ, довольно широко распространенный среди французскихъ рабочихъ до тѣхъ поръ, пока его не конфисковало французское правительство, былъ изданъ въ Женевѣ, гдѣ находится одно изъ главныхъ отдѣленій Германскаго Тайнаго Бюро и гдѣ проживаетъ одинъ изъ высшихъ начальниковъ системы шпіонажа.

Непосредственное дѣйствіе памфлета Менара было незначительно, но, очевидно, идея его была найдена достойной проведенія въ жизнь. Первое крупное движеніе французскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ совпало съ процессомъ Дрейфуса, обострившимъ отношенія между Франціей и Германіей. Тогда была объявлена всеобщая забастовка, которая, однако, потерпѣла фіаско. Въ самомъ началѣ второго десятилѣтія

XX вѣка, когда отношенія между этими двумя государствами снова сдѣлались натянутыми, на желѣзныхъ дорогахъ Франціи опять начались волненія. И если бы между Франціей и Германіей возникла война во время всеобщей забастовки французскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, то результатомъ, конечно, явилось бы полное пораженіе первой.

Германскія усилія, однако, не останавливаются на этомъ. Почти одновременно съ началомъ враждебныхъ дѣйствій между Англіей и Германіей, въ Ирландіи появился плакатъ, направленный къ возбужденію „Revolting province“ [1]). Однако, онъ не повелъ къ желаемымъ результатамъ, такъ какъ даже самые закоренѣлые ирландскіе противники Англіи прекрасно поняли, что міровая война должна отодвинуть на задній планъ домашнія распри, и ирландцы всѣхъ направленій показали себя готовыми итти сражаться за міровую свободу противъ прусскаго милитаризма.

Плакатъ этотъ безусловно являлся „печатнымъ произведеніемъ въ иностранномъ государствѣ, полезнымъ для политики (германской) Имперіи“ и гласилъ нижеслѣдующее:

«Ирландцы—глупцы!

Развѣ вы забыли, что вашъ единственный врагъ Англія?

---

[1]) Такъ называютъ англичане Ирландію.

Развѣ вы забыли всѣ ваши обиды, что готовы теперь проливать свою кровь за Англію?

Развѣ вы потеряли вашъ разумъ, что вѣрите въ нелѣпыя лживыя извѣстія, опубликованныя въ газетахъ относительно Германіи?

Развѣ вы забыли, какъ англичане обошлись съ бурами?

Развѣ вы забыли манчестерскія муки?

Развѣ вы забыли звѣрскія избіенія?

Развѣ вы забыли, что будущее въ вашихъ рукахъ?

Развѣ вы забыли, что затрудненія Англіи— удобный случай для Ирландіи?

Боже, храни Ирландію!».

Вотъ самое гнусное проявленіе работы агентовъ-провокаторовъ. Германія откровенно заявила, что она будетъ вести войну „всѣми жестокими средствами, какія только имѣются въ ея распоряженіи", но, оказывается, не только одними жестокими средствами. Это ясно даетъ намъ понять плакатъ, хотя онъ и наглядно показываетъ, какъ ошиблась Германія относительно характера народа, къ которому она обращалась.

Неудачные результаты опубликованія этого плаката похожи на безплодныя усилія фонъ-Голебена, нѣмецкаго посланника въ Америкѣ, посѣять вражду между Америкой и Англіей; усилія эти стали предметомъ всеобщихъ разгово-

ровъ въ Вашингтонѣ и повлекли за собой отозваніе не въ мѣру прыткаго посланника. Однако, послѣ начала войны, усилія подобнаго рода неоднократно дѣлались въ Америкѣ, при чемъ въ концѣ-концовъ одно весьма высокое чиновное лицо Германіи получило изъ Вашингтона предписаніе или пріостановить свою работу въ этомъ направленіи, или покинуть предѣлы страны.

ШПІОНЪ ШТЕЙНГАУЭРЪ

Процессы Шульца, Гревса и другихъ, сравнительно недавно представшихъ предъ англійскимъ судомъ, показали намъ, какимъ образомъ шпіоны добываютъ различныя свѣдѣнія; они показали намъ одну фазу шпіонской работы. Однако, ни одинъ изъ послѣднихъ процессовъ не имѣетъ такого значенія для пониманія всей системы, какъ процессъ Эрнста, вскрывшій намъ, помимо дѣйствій самого обвиняемаго, работу Штейнгауэра, — потстдамскаго директора тайныхъ агентовъ.

Карлъ Густавъ Эрнстъ, парикмахеръ, обвинялся 4 августа 1914 года въ нарушеніи „Акта оффиціальныхъ секретовъ", при чемъ къ нему долженъ былъ быть примѣненъ законъ объ ограниченіи правъ иностранцевъ. Онъ отрицалъ причину обвиненія, называя ее „нелѣпой", однако, былъ обвиненъ и присужденъ къ высылкѣ изъ страны.

Заключенный въ Брикстонскую тюрьму до первой возможности отправки его въ Германію, онъ апеллировалъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и просилъ объ освобожденіи. Его апелляція основывалась на томъ, что онъ былъ совершенно не

виновенъ ни въ какомъ преступномъ дѣяніи, и что, такъ какъ полиція не представила въ судъ обвинительныхъ документовъ, очевидно она не нашла никакихъ уликъ въ его квартирѣ на Каледонской Дорогѣ, гдѣ онъ *въ теченіе 16 лѣтъ занимался профессіей парикмахера.*

Разслѣдованіе доказало правдивость его заявленія относительно того, что онъ состоитъ британскимъ подданнымъ и что, слѣдовательно, не можетъ быть подвергнутъ дѣйствію закона объ ограниченіи правъ иностранцевъ. Онъ былъ немедленно освобожденъ и вновь арестованъ за воротами тюрьмы по обвиненію въ шпіонажѣ противъ той страны, гражданиномъ которой онъ сдѣлался добровольно посредствомъ натурализаціи. Онъ обвинялся, теперь, какъ измѣнникъ и шпіонъ.

28 сентября 1914 года мистеромъ Бодкиномъ, директоромъ публичнаго обвиненія полицейскаго управленія въ Блоу-Стритъ, былъ возбужденъ процессъ противъ Эрнста. Обвиненіе заключалось въ томъ, что Эрнстъ „собиралъ и сообщалъ, и пытался собирать и сообщать нѣкоему Штейнгауэру свѣдѣнія, могущія принести пользу врагу“.

Мр. Бодкинъ заявилъ, что обвиняемый впервые былъ заподозрѣнъ властями въ октябрѣ 1911 года и, очевидно, съ того времени по январь 1914 года состоялъ на службѣ Германскаго Тайнаго Бюро. Человѣкъ, являвшійся прямымъ начальникомъ Эрнста, былъ нѣкто Штейнгауэръ,

членъ и организаторъ Германскаго Тайнаго Бюро, имя котораго фигурировало почти въ каждомъ процессѣ о шпіонажѣ, происходившемъ въ Англіи за послѣдніе три-четыре года.

Было доказано, что обвиняемый, работая подъ руководствомъ Штейнгауэра, долженъ былъ исполнять порученія двухъ родовъ. Во-первыхъ, онъ, получая отъ Штейнгауэра, находящагося въ Германіи, письма, запечатанныя въ конвертахъ, дававшихъ имъ видъ обыкновенныхъ торговыхъ писемъ, долженъ былъ разсылать ихъ по Англіи другимъ членамъ той же шпіонской организаціи. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ самъ производить разслѣдованія относительно нѣкоторыхъ лицъ и мѣстъ, полезныя, по мнѣнію Штейнгауэра, для Германскаго Тайнаго Бюро. Помимо дѣловыхъ издержекъ, онъ получалъ жалованье—одинъ фунтъ стерлинговъ въ мѣсяцъ, которое, когда Эрнстъ указалъ на рискъ, связанный съ его ремесломъ, было увеличено до 1 ф. 10 шил. Мр. Бодкинъ заявилъ также, что „система была отлично извѣстна, начиная съ 1911 года, и соотвѣтственно этому магазинъ парикмахера на Каледонской Дорогѣ держался подъ наблюденіемъ".

Наблюденіе это заключалось во вскрытіи писемъ, адресованныхъ обвиняемому, при чемъ съ нихъ снималась копія, послѣ чего они уже, вновь запечатанные, отправлялись адресату. Среди этихъ

писемъ находилось большое количество сообщеній изъ Германіи и, главнымъ образомъ, изъ Потсдама, а самъ Эрнстъ также посылалъ сообщенія въ Потсдамъ и Берлинъ. Онъ отправлялъ свои письма изъ различныхъ мѣстъ Лондона; письма же, присылавшіяся изъ Германіи, были написаны на англійской почтовой бумагѣ и запечатаны въ англійскіе конверты, присылаемые Штейнгауэру для этой цѣли обвиняемымъ. Путемъ вскрыванія, какъ входящей, такъ и исходящей корреспонденціи, полицейскія власти получили въ обладаніе массу цѣнныхъ свѣдѣній, касающихся не только Эрнста, но и всѣхъ другихъ членовъ Тайнаго Бюро, находящихся въ Англіи.

Установлено было, что въ корреспонденціи съ Эрнстомъ Штейнгауэръ подписывался вымышленнымъ именемъ „м-ръ Реймерсъ“, а Эрнстъ мѣнялъ свое имя, отъ времени до времени, получая письма то адресованныя „К. Д. Эрнсту для Д. Уолтерса“, то „У. Уэллеру“. Штейнгауэръ посылалъ письма не только для самого Эрнста, но также и для передачи ихъ въ другія мѣста. Эти письма вскрывались подлежащими властями, при чемъ съ нихъ снималась копія.

Штейнгауэръ поручалъ Эрнсту собирать всѣ, какія возможно, свѣдѣнія относительно лицъ, связанныхъ или предполагаемыхъ связанными съ освѣдомительнымъ департаментомъ англійскаго военнаго министерства.

Въ одномъ изъ конвертовъ, посланныхъ Эрнсту Штейнгауэромъ, находилось два письма, изъ которыхъ одно было адресовано британскому матросу, а другое одному нѣмцу, живущему въ Портландскомъ порту. Далѣе, слѣдствіе установило, что Эрнстъ для цѣлей шпіонажа находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лицами, по имени Крюгеръ и Крюмеръ, а одно изъ его писемъ касалось журнальной статьи, описывающей укрѣпленія восточнаго берега. Другое письмо заключало въ себѣ упоминанія о процессѣ противъ шпіона Паррота, имѣвшемъ мѣсто осенью 1912 года.

На этомъ закончилось первое слушаніе дѣла.

Второе происходило 5 октября 1914 года, когда первый вызванный свидѣтель, чиновникъ Тайнаго Департамента Главнаго Почтамта, засвидѣтельствовалъ, что онъ вскрывалъ и копировалъ письма, носящія штемпель „Потсдамъ“ или „Берлинъ“. Они были написаны по-нѣмецки, а во многихъ конвертахъ заключалось по нѣскольку писемъ, которыя Эрнстъ долженъ былъ отправлять по различнымъ адресамъ. Нѣкоторыя изъ писемъ къ Эрнсту были подписаны „Шт“. А одно изъ нихъ, имѣвшее штемпель „Берлинъ 6—1—12“, заключало въ себѣ конвертъ, адресованный „м-ру Сэйморъ“. М-ръ Бодкинъ объяснилъ, что это былъ псевдонимъ и адресъ нѣкоего Паррота, фигурировавшаго въ процессѣ о шпіонажѣ осенью 1912 года.

Другое письмо къ Эрнсту, какъ показалъ свидѣтель, было помѣчено „Потсдамъ 25 января 1912 года“ и подписано „Шт“. Оно содержало въ себѣ требованіе, чтобы пишущему были посланы конверты съ отпечатаннымъ именемъ фабриканта. Затѣмъ 12 февраля тотъ же корреспондентъ писалъ Эрнсту: „отошлите, пожалуйста, немедленно находящіяся при семъ письма и вышлите мнѣ 50 конвертовъ, какъ вы уже высылали мнѣ, въ качествѣ образчика. Затѣмъ напишите мнѣ письмо на правильномъ англійскомъ языкѣ, въ которомъ покупатель просилъ бы, чтобы письма пересылались ему на континентъ по адресу „до востребованія“. Въ этомъ письмѣ были два другихъ письма на имя Айрлэнда и А. Шютте.

Другое письмо, помѣченное датой 23 января 1912 года, подписанное Штиберомъ и отправленное изъ Потсдама, заключало слѣдующее: „Согласно газетнымъ сообщеніямъ на англійскомъ крейсерѣ „Foxhound“ арестованъ кочегаръ. Если это племянникъ Кр., то, вѣроятно, онъ попался благодаря безпечности и глупости самого Кр. Можетъ быть, Вамъ удастся снестись съ К., но во всякомъ случаѣ будьте весьма осторожны. Если мои подозрѣнія правильны, то за Кр. слѣдятъ. Прежде всего—осторожность. Если Вамъ удастся поговорить съ нимъ, то спросите его, кстати, относительно нѣкоего Шмидта, ко-

тораго онъ какъ-то рекомендовалъ мнѣ. Онъ (Крюгеръ) долженъ быть очень осторожнымъ и никакъ не обнаруживать своего мѣстожительства. Т.-е., Вы можете итти къ нему только тогда, когда навѣрное узнаете, что Вамъ не грозитъ никакая опасность. Мнѣ кажется, ему не слѣдуетъ говорить съ Вами по-нѣмецки въ присутствіи другихъ. Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ дальнѣйшихъ извѣстій".

М-ръ Бодкинъ пояснилъ, что Айрлэндъ—племянникъ нѣкоего Крюгера.

Другое письмо, присланное обвиняемому изъ Потсдама и помѣченное 12 февралемъ 1912 года заключало слѣдующее:

„Весьма благодаренъ Вамъ за Ваше цѣнное письмо. Въ будущемъ поступлю именно такъ. Будьте любезны немедленно отослать находящееся при семъ письмо. Сообщите Ваши издержки. Шлю мои лучшія пожеланія.—Шт.".

Письмо, присланное обвиняемому для пересылки, было адресовано Грэвсу въ Эдинбургъ и въ немъ находилось три пятифунтовыхъ билета англійскаго банка.

7-го марта 1912 года Штейнгауэръ подписалъ въ одномъ письмѣ полностью свое имя и прислалъ Эрнсту сто марокъ. Онъ просилъ Эрнста достать одну Лондонскую газету, въ которой цѣлая статья была посвящена шпіонажу. Копіи съ писемъ, посланныхъ черезъ Эрнста М-рсъ Парротъ и Грэвсу

сначала въ Эдинбургъ, а потомъ въ Глазго, были представлены въ судъ въ качествѣ доказательствъ, но не оглашены. Одно изъ писемъ Грэвса. М-ръ Бодкинъ, объясняя это, заявилъ, что по всей вѣроятности конвертъ былъ украденъ.

23-го марта Штейнгауэръ писалъ Эрнсту изъ Потсдама: „К. волнуется совершенно напрасно. Юноша освобожденъ. Я въ скоромъ времени разскажу Вамъ всю эту исторію“. М-ръ Бодкинъ замѣтилъ, что молодой человѣкъ Айрлэндъ былъ оправданъ.

Одно письмо, адресованное Грэвсу въ „Централь-Отель“ въ Глазго, помѣченное 5-мъ апрѣлемъ 1912 года, и переправленное черезъ Эрнста, заключало въ себѣ кредитные билеты на сумму 15 фунтовъ стерлинговъ—это было, кажется, послѣднее письмо, посланное Грэвсу, до времени его ареста. Письмо, отправленное изъ Потсдама 2 марта, содержало въ себѣ требованіе, чтобы подсудимый разузналъ, было ли одно лицо, живущее около „Гайдъ-Парка“ дѣловымъ человѣкомъ и не имѣло ли оно отношенія къ англійскому правительству. Затѣмъ въ іюлѣ 1912 года у Штейнгауэра, повидимому, возникло подозрѣніе, не перлюстрируется ли его корреспонденція, такъ какъ онъ писалъ: „Напоминаю Вамъ, чтобы Вы отправляли Ваши письма изъ различныхъ мѣстъ Лондона. Но Вы, вѣроятно, и сами знаете это“. 1-го сентября Штейнгауэръ снова писалъ Эрнсту о не-

обходимости величайшей осторожности: „Вы сами знаете, что мы нуждаемся только въ людяхъ, безусловно заслуживающихъ довѣрія. Мы должны предохранить себя отъ всякихъ неожиданностей. Не хотите ли Вы взять себѣ вмѣсто Уолтерса какое-нибудь другое имя“.

Таковы были письма, адресованные Эрнсту. Далѣе свидѣтель перешелъ къ показаніямъ относительно писемъ, посланныхъ Эрнстомъ Штейнгауэру. Свидѣтель, время отъ времени скрывалъ эти письма, дѣйствуя на основаніи инструкцій, данныхъ свыше, и узнавалъ, что они посылались изъ Лондона на имя миссъ Реймерсъ для передачи Штейнгауэру. Всѣ они были написаны почеркомъ, который, при сравненіи, оказался тождественнымъ почерку обвиняемаго. Подписаны они были, то „Дж. Э.“, то „У. Уеллеръ“, то „Дж. Уолтерсъ“. М-ръ Бодкинъ прочелъ въ судѣ нѣкоторые отрывки изъ этихъ писемъ, которые мы и приводимъ ниже:

„Дорогой М-ръ Штейнгауэръ, разрѣшите мнѣ сообщить Вамъ нѣкоторыя соображенія, которыя пришли мнѣ въ голову, когда я читалъ процессъ Гроссе. Вы увидите сами, что вашъ агентъ Гроссе велъ себя въ высшей степени неосмотрительно по отношенію къ Вашимъ другимъ агентамъ, да и чего же можно было ожидать отъ человѣка, только что отбывшаго 10-лѣтнія каторжныя работы. Поэтому я усиленно прошу Васъ, когда Вы будете давать кому нибудь мой адресъ, называйте

меня другимъ именемъ, хотя бы Уеллеромъ. Я немедленно отослалъ оба письма (Шютте и Айрлэнду). Посылаю Вамъ при семъ два образчика писемъ.

Одно изъ писемъ, называемыхъ Эрнстомъ „образчикомъ", было прочитано въ судѣ и состояло въ слѣдующемъ: „Милостивый Государь. Мои дѣла заставляютъ меня на короткое время съѣздить въ Швейцарію и такъ какъ я буду въ Лондонѣ не раньше, чѣмъ черезъ два мѣсяца, я прошу Васъ посылать мнѣ письма до востребованія. Всѣ понесенныя Вами расходы, я оплачу по моемъ пріѣздѣ въ Лондонъ".

Еще одно письмо, посланное Эрнстомъ Штейнгауэру, заключалось въ слѣдующемъ: „Дорогой М-ръ Штейнгауэръ, я бы очень хотѣлъ, чтобы Вы адресовали письма Дж. Уолтерсу для передачи Эрнсту. Въ будущемъ я буду подписывать мои письма Дж. Уолтерсъ, такъ что не можетъ быть никакой ошибки. Что касается Вашего другаго приказанія, то простите меня, но я вовсе не хочу встрѣчаться съ Крюгеромъ. Я его однажды видѣлъ и онъ мнѣ совсѣмъ не понравился. Въ газетахъ помѣщена фотографія Айрлэнда и написано, что онъ рожденъ въ Германіи".

Далѣе въ судѣ было прочитано письмо, написанное Эрнстомъ и касающееся статьи, помѣщенной въ одномъ журналѣ, относительно укрѣпленій Восточнаго Берега. Въ этомъ письмѣ находилась также газетная вырѣзка, дающая подробности

ареста доктора Грэвса въ Эдинбургѣ, причемъ Эрнстъ писалъ по поводу этого факта: „какъ оказывается, адресовать письма „до востребованія“ далеко не безопасно. Что касается меня, то я не хочу больше за 1 ф. ст. въ мѣсяцъ жить въ постоянномъ страхѣ. Въ апрѣлѣ кончается второй годъ моей службы у Васъ и я буду просить объ увеличеніи моего жалованья. Такой отвѣтственный постъ, какъ мой, „заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, 30 шиллинговъ въ мѣсяцъ“.

Наконецъ, были оглашены письма, касающіяся процесса Паррота, причемъ одно изъ нихъ заключало въ себѣ газетную вырѣзку, приводящую улики, собранныя полиціей, противъ Паррота.

Процессъ еще не окончился.

Все это слѣдствіе имѣетъ исключительный интересъ въ томъ отношеніи, что нѣсколькими штрихами, вполнѣ освѣщаетъ намъ дѣйствіе системы „постоянныхъ постовъ“ и раскрываетъ существованіе центральнаго Тайнаго Бюро въ Берлинѣ. Кромѣ того, процессъ этотъ выясняетъ способы контръ-шпіонажа и наглядно показываетъ, что Германія нуждается въ новомъ Штиберѣ, чтобы сдѣлать современный шпіонажъ столь-же успѣшнымъ, какъ во времена первой Франко-Прусской войны. Разъ шпіонство Эрнста стало извѣстно Англійской полиціи съ самаго начала его поступленія на службу Германскаго Тайнаго Бюро, разъ слѣдствіемъ его назначенія

на „постоянный постъ“ явились многочисленные аресты другихъ нѣмецкихъ шпіоновъ, у каждаго могутъ возникнуть сомнѣнія относительно продуктивности современной германской системы шпіонажа.

Достоинъ особаго вниманія тотъ фактъ, что полиція перехватывала, не только „входящую“ корреспонденцію Эрнста, что сравнительно легко, но была въ состояніи находить и копировать „исходящую“. Послѣднее должно было быть въ высшей степени затруднительнымъ, особенно, если мы припомнимъ, что Эрнстъ отправлялъ свои письма въ Потсдамъ изъ различныхъ мѣстъ Лондона.

То, что обвиняемый жилъ въ Англіи въ теченіе 16-ти лѣтъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ германской системой привлеченія на тайную службу только такихъ людей, которые сдѣлались въ полномъ смыслѣ гражданами той страны, гдѣ они занимаются шпіонажемъ, и такимъ образомъ стоятъ внѣ подозрѣнія. Натурализація нѣмца не доказываетъ ничего. Онъ всегда останется нѣмцемъ и въ любой моментъ можетъ сдѣлаться шпіономъ.

Факты, раскрытые процессомъ Эрнста, заслуживаютъ къ себѣ самого внимательнаго отношенія, если мы хотимъ обезвредить дѣйствіе германской системы шпіонажа. Ибо Эрнстъ—только одно звено цѣпи, а вся цѣпь очень длинна.

СЛУЧАИ ГЕРМАНСКАГО ШАНТАЖА

Подробности относительно захвата въ одномъ восточномъ порту Шотландіи коммерческаго судна, врядъ ли имѣетъ прямое отношеніе къ содержанію этой книги, но они весьма знаменательны, такъ какъ показываютъ смѣлость нѣкоторыхъ германскихъ методовъ. Адмиралтейство обратило вниманіе на то, что нѣмецкія подводныя лодки часто обнаруживаютъ свою дѣятельность на такомъ большомъ разстояніи отъ своей законной базы, что необходимо заставляютъ предполагать существованіе другихъ мѣстъ снабженія. Вслѣдствіе этого былъ установленъ надзоръ надъ подозрительными нейтральными судами, который и привелъ къ захвату, о которомъ мы только что упоминали.

Въ портъ прибылъ пароходъ и приступилъ къ нагрузкѣ для отплытія; портовыя власти не нашли на немъ никакой контрабанды. Судовыя бумаги были въ полномъ порядкѣ, грузъ не заключалъ въ себѣ ничего запрещеннаго и, слѣдовательно, не было, повидимому, причины задерживать этотъ пароходъ. Но на его палубѣ было

замѣчено такое количество аккуратно свернутыхъ кусковъ проволочнаго каната, какого могло бы хватить по меньшей мѣрѣ для трехлѣтняго плаванія китоловнаго судна и осталось бы еще значительное количество для открытія канатной мастерской. По всей палубѣ лежали большіе круги каната, которые въ другое время не привлекли бы къ себѣ ничьего вниманія. Однако, въ настоящее время такое изобиліе вызвало у привычныхъ осмотрщиковъ подозрѣніе и повело за собой болѣе детальный осмотръ.

Когда одинъ изъ такихъ круговъ проволочнаго каната былъ размотанъ, то внутри его оказался жестяной бидонъ, наполненный нефтью, необходимой для подводныхъ лодокъ.

Другой случай, который я хочу здѣсь привести, обнаруживаетъ неменьшую дерзость. Пятаго октября передъ Гильдгольскимъ судомъ предсталъ нѣкто Джоржъ Ньютонъ Спенсеръ, назвавшійся клеркомъ, имѣющій мѣсто постояннаго жительства на Любекерштрассе, 33, въ Гамбургѣ. Онъ обвинялся въ „незаконномъ побужденіи м-ра Франка Голдера (братья Гольдеръ, страховая фирма въ Ливерпулѣ) къ торговымъ сношеніямъ съ врагомъ".

М-ръ Гэмфризъ заявилъ въ началѣ процесса, что обвиненіе противъ подсудимаго основывались на „актѣ 1914 года о торговлѣ съ врагомъ". Подсудимый былъ британскимъ подданнымъ,

долгое время жившимъ въ Германіи и занимавшимъ мѣсто клерка въ „Транспортной пароходной компаніи въ Гамбургѣ“. Какъ выяснилось, онъ былъ отправленъ своими хозяевами въ Англію, въ концѣ сентября, для переговоровъ о весьма важной, съ ихъ точки зрѣнія, сдѣлкѣ. Хотя онъ былъ англичаниномъ и при этомъ въ возрастѣ 32 лѣтъ, германскія военныя власти, однако, не препятствовали ему покинуть страну. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣль его поѣздки хорошо была извѣстна этимъ властямъ, потому-то они и дали ему пропускъ. Подсудимый прибылъ въ Лондонъ 22 сентября и на слѣдующій же день отправился къ м-ру Голдеру и предложилъ ему такого рода сдѣлку:

Шесть пароходовъ, принадлежащихъ Гамбургской Компаніи, были заложены у братьевъ Голдеръ приблизительно за 30.000 фунтовъ стерлинговъ, но въ началѣ войны, они или находились въ нейтральныхъ портахъ—и, слѣдовательно, были временно потеряны для своихъ собственниковъ—или сдѣлались военными призами и, слѣдовательно, сдѣлались окончательно потерянными для нихъ. Не упоминая объ этомъ фактѣ, онъ сдѣлалъ бр. Голдеръ, которымъ Гамбургская Компанія должна была заплатить 20.000 фунтовъ стерлинговъ 11 ноября и 13.000 15 ноября, предложеніе, состоящее въ томъ, чтобы вмѣсто этого бр. Голдеръ сами заплатили 15.000 фт. стерл.

Гамбургской фирмѣ, но взяли бы себѣ въ собственность три судна. Результатомъ-де всей комбинаціи явилось бы то, что закладныя свидѣтельства на всѣ шесть пароходовъ были бы уничтожены, бр. Голдеръ сдѣлались бы собственниками судовъ, а Гамбургская пароходная Компанія получила бы 15.000 фт. стерл. звонкой монетой. То обстоятельство, что одинъ изъ пароходовъ, несомнѣнно, былъ взятъ въ качествѣ военнаго приза, въ Гибралтарѣ и могъ быть, какъ таковой, съ минуты на минуту проданъ, дѣлаетъ предложеніе еще болѣе замѣчательнымъ.

М-ръ Голдеръ, рѣшивъ про себя, какъ ему слѣдуетъ поступить, заявилъ Спенсеру, что хочетъ предварительно посовѣтываться со своими повѣренными въ дѣлахъ. На самомъ же дѣлѣ, по уходѣ Спенсера, онъ обратился въ адмиралтейство.

Между тѣмъ Спенсеръ отправился въ другую фирму морскихъ страхованій и сдѣлалъ тамъ подобное же предложеніе, на этотъ разъ уже прося за 3 другія судна 13.000 фт. стерл. Такимъ образомъ, окончательнымъ результатомъ этой сдѣлки, если бы она состоялась, явилось бы то, что Гамбургская Компанія получила бы 28.000 фт. стерл., въ то время, какъ британскія фирмы остались бы ни съ чѣмъ. Поэтому Спенсеръ былъ обвиненъ въ мошенничествѣ и приговоренъ къ тюремному заключенію. Интересно

отмѣтить, въ связи съ вышеописаннымъ случаемъ, сомнительную нравственность—въ торговомъ смыслѣ, нѣмецкихъ фирмъ. Мы оставимъ въ сторонѣ тотъ фактъ, что была сдѣлана попытка нарушенія британскаго закона, такъ какъ ни одна страна не станетъ считаться съ законами другой, съ которой она воюетъ. Но Гамбургская Пароходная Компанія, предлагая уже не принадлежащія ей суда въ обмѣнъ на британское золото, пыталась совершить мошенничество, самаго гнуснаго характера.

При умѣломъ пользованіи военными донесеніями, въ особенности идущими съ французскаго театра войны, мы могли бы извлечь много поучительныхъ свѣдѣній относительно теперешней работы нѣмецкихъ шпіоновъ. Она такъ же обширна, какъ и безчестна. Это ядъ, который дѣйствуетъ наравнѣ съ законнымъ оружіемъ войны, но который гораздо опаснѣе, такъ какъ противъ открытаго нападенія можно защищаться, противъ же подлости и измѣны—защиты почти нѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ

Книгоиздательство В. П. ПОРТУГАЛОВА.

Собраніе сочиненій

РАБИНДРАНАТА ТАГОРА:

Книга I — ГИТАНДЖАЛИ. Жертвопѣсни. Переводъ подъ редакціей *Ю. Балтрушайтиса.* Второе изданіе. 50 к.

Книга II — САДОВНИКЪ. Лирика любви и жизни. Переводъ *В. Г. Тардова.* Второе изданіе. 75 к.

Книга III — ЛУННЫЙ СЕРПЪ. Поэмы о дѣтствѣ. Переводъ *М. Ликіардопуло.* 60 к.

Книга IV — ЧИТРА. Драматическая поэма. Переводъ *М. Подгоричани.* 30 к.

Книга V — ПОЧТА. Пьеса. Переводъ *М. Родонъ.* 30 к.

Книга VI — ЦАРЬ ТЕМНАГО ЧЕРТОГА. Переводъ *Б. Лепковскаго* и *М. Родонъ.* 75 к.

Книга VII — ИЗЪ ЖИЗНИ БЕНГАЛІИ. Разсказы. Переводъ *А. И.* и *А. Ѳ. Слудскихъ.* 1 р. 50 к.

Книга VIII — ПОЭМЫ КАБИРА. (Печатается).

Книга IX — МАЛЕНЬКАЯ ЯЗВА. Романъ. (Печатается).

Книга X — САДХАНА. Постиженіе жизни. Переводъ *В. Погосскаго.* 1 р.

Т-во тип. А. И. Мамонтова. Москва, Филип. пер., 11.

